

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

**ИЗ РАЗВИТОГО
В ДИКИЙ
НЕЛЕПЫЕ ШАГИ**

КНИГА ВТОРАЯ

Анатолий Зарецкий

**Из развитого в дикий
нелепые ШАГИ. Книга вторая**

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Из развитого в дикий нелепые ШАГИ. Книга вторая /
А. Зарецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4474-4845-5

Вот уже несколько часов я лежал без сна. Да и какой сон у приговоренного к смерти... Я не испытывал ужаса, который охватил меня в кошмарном сне, где меня тоже приговорили... Но то было во сне, а теперь это вдруг стало жуткой реальностью. И ведь ни у одного из заговорщиков не дрогнет сердце: для бывшего «кагэбэшника» это привычная работа, а для новоиспеченного капиталиста — первый опыт неприятного, но зато экономически выгодного способа решения запутанных проблем.

ISBN 978-5-4474-4845-5

© Зарецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Глава 24. Власов и власовцы	6
Глава 25. Слово офицера?	19
Глава 26. Банковская гарантия	34
Глава 27. Медвежья услуга	44
Глава 28. Нексия раздора	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Из развитого в дикий нелепые ШАГИ
Книга вторая
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 24. Власов и власовцы

Через неделю мы получили подписанный лизингодателем договор. К нему прилагался перечень российских банков, гарантии которых могли быть приняты немецкой стороной. С большинством из перечисленных банков уже имел дело и знал, что там мы никаких гарантий не получим. Того же мнения был и Коробкин.

Взвесив все «за» и «против», выбрали «Уникомбанк», который входил в двадцатку лидеров и был известен как правительственный банк московской области. Именно об этом банке говорил и Пискунов, потребовавший открыть счет в его Пороховском отделении.

Согласовав свой выбор с господином Пельманом, прежде всего, обратился к Гусеву.

– Ну, наконец, Толя что-то конкретное. Конечно, помогу. Сегодня же переговорю с Вольским, – пообещал он, выслушав мой отчет о достижениях.

Не очень рассчитывая на помощь Вольского, решил двигаться прямым путем, то есть для начала стать клиентом банка. Тут же встал вопрос о главном бухгалтере.

– Сергей Львович, у вас есть на примете подходящий главный бухгалтер? – спросил Коробкина.

– Людмила... Только вряд ли она согласится. Она и так достаточно загружена, – ответил он, но тут же, на всякий случай, позвонил.

– Вам что, нужен главный бухгалтер? – сходу сообразил вошедший без доклада Пискунов, уловивший суть телефонных переговоров Коробкина, – Нет проблем. Есть надежнейшая кандидатура. Моя сестра, – сказал он.

– Кто? – тут же оторвался от телефона Коробкин.

– Моя сестра. Она работает бухгалтером на заводе. Хотел назначить ее главным бухгалтером, но, если вам надо, Сергей Львович, готов уступить. В «Уникомбанке» ее знают. Так что смотрите.

– Ну, как, Анатолий Афанасьевич? – спросил Коробкин, вешая трубку, – Людмила не согласилась, – проинформировал он.

– Мне все равно, Сергей Львович. На данном этапе это фигура условная. А пойдут обороты, посмотрим.

– Какая условная?! Что значит, посмотрим?! – мгновенно вспыхнул Пискунов, – Ты наверно свою дочь хочешь пристроить, Анатолий? – выдвинул он нелепейшее предположение.

– Дурак ты, Вова, – не раздумывая, ответил ему, – Согласен, – тут же мгновенно предвосхитил его реакцию на оскорбление.

– Давно бы так, – поразмыслив, сказал Пискунов и, натянуто улыбнувшись, протянул руку в знак примирения...

В течение недели мы открыли счет в Пороховском отделении «Уникомбанка».

– Отлично, Анатолий Афанасьевич... Очень вовремя. «Невпроекту» надо срочно сбросить деньги. Похоже, фирму придется закрыть, – думая о чем-то своем, невольно проговорился Коробкин. Сидевший рядом со мной Пискунов буквально подпрыгнул от такой новости, но, взяв себя в руки, тут же толкнул меня в бок:

– Тихо, – шепнул он, – Потом поговорим.

– Анатолий Афанасьевич, сколько там требуется на первый платеж Пельману? – спросил Коробкин, все еще не вышедший из состояния прострации.

– Шестьсот тысяч долларов, – ответил ему.

– Так, – уткнулся он в калькулятор, – Это примерно три ярда и двести лимонов. Хорошо, – улыбнулся он, – Здравствуйте, Владимир Александрович, – вдруг заметил он Пискунова.

– Здравствуйте, Сергей Львович, – с иезуитской улыбочкой пожал тот протянутую руку Коробкина.

О чем хотел поговорить со мной Пискунов, так и не узнал, но мне кажется, именно в тот момент, когда проговорился Коробкин, и родилась его первая мошенническая схема, которая и стала прелюдией к развалу наших отношений.

А через неделю я получил заказное письмо из «Уникомбанка»:

«Уважаемый Анатолий Афанасьевич! Извещаем, что на ваш расчетный счет поступили три миллиарда шестьсот миллионов рублей».

Я ликовал – лед тронулся: мы миллиардеры, хоть и рублевые.

Вечером позвонил Пискунов:

– Ты в курсе, что в Пороховский банк поступили деньги?

– Нет, – соврал ему.

– Три с половиной миллиарда, – с придыханием произнес он.

– Ничего себе, – делано восхитился я.

– Говорил, у этого хорька есть деньги, а ты не верил, – в очередной раз упрекнул кум, – Что будем делать? – спросил он.

– А что надо делать?

– Как что?! Осваивать! – взревел кум, – Мы не освоим, другие найдутся... Там уже идет заседание районной администрации. Решают, что делать с такими деньжищами... Мы сейчас с тобой самые богатые люди в районе. Да и братва уже в курсе, – забросал он несусветной информацией.

Причем здесь районная администрация? Кто ей сообщил о переводе денег? На каком основании она что-то решает? Кто известил «братву», и каковы ее планы?.. Настроение резко упало:

– Володя, мы же собирались создавать производство... Разве не так?

– Так-так, но и нам же должно что-то перепасть, – суетился кум.

– То есть ты предлагаешь часть денег украсть? – спросил его открытым текстом.

– Украсть или взять, какая разница. Ты думаешь, Коробкин их честно заработал? Зачем ему тогда понадобилось срочно закрывать фирму? Подумай, Толик, – горячился кум.

Но я уже не мог сдержать душившего меня смеха:

– Вор у вора дубинку украл... Ха-ха-ха... Ха-ха-ха, – смеялся я до тех пор, пока ни услышал прерывистых гудков в телефонной трубке, брошенной мной на стол...

– Сергей Львович, деньги поступили, – известил Коробкина прямо с утра, – Надо немедленно что-то делать, – косвенно высказал ему свои опасения.

– Пискунов? – понимающе спросил он. Я кивнул, – Вот напасть, Анатолий Афанасьевич... Сколько уже создал предприятий, и в любом хоть одна такая мерзость, но найдется... Вот и приходится бросать одно за другим... Что обидно, мои же ученики. Я им экономику преподавал. Научил на свою голову... Но, похоже, это где-то глубже лежит, на уровне инстинктов... Урвать лимон, а дальше трава не расти... Работать не хотят.

– Это точно, – подтвердил, припомнив стайку «пискуновской братвы».

– Открывайте валютный счет, Анатолий Афанасьевич, и конвертируйте часть денег в валюту. Придется отправлять Пельману, не дожидаясь банковских гарантий, – принял решение Коробкин...

– Тебе целый день звонят из «Уникомбанка», – сообщила жена, – Сказали, еще позвонят.

Звонок не заставил себя ждать:

– Анатолий Афанасьевич, вы не могли бы прямо с утра подъехать в наш центральный офис? – спросил некто Пашвыкин, представившийся вице-президентом «Уникомбанка».

– Если вам очень надо, подъеду. Только, где это? – спросил его.

– Даев переулоч... Там увидите. Здание сразу бросается в глаза... А надо это в первую очередь вам, Анатолий Афанасьевич, – озадачил Пашвыкин...

Прямо с утра довольно быстро отыскал Даев переулоч. Модерновое здание «Уником-банка» действительно было самым заметным сооружением. Впрочем, не только этого переулоча... Еще более интересным оно оказалось внутри. Огромный холл под стеклянной крышей создавал иллюзию, что нахожусь во дворе-колодце многоэтажного дома с лоджиями, обращенными внутрь. Ухоженный дворик с фонтаном и пальмами в кадках живо напомнил о далеких южных городах.

«Как можно работать в таком оазисе? Сюда бы еще море за углом», – подумал после того, как увидел троих молодых людей в ресторанной униформе, кативших куда-то солидное сооружение на колесиках, до отказа заполненное бутылками шампанского и хрустальными вазами с роскошными фруктами.

Впрочем, лифтом-сейфом, мгновенно доставившим меня на нужный этаж, меня уже было не удивить. А скромная приемная вице-президента с заурядным евроремонтом в белосерых тонах вообще разочаровала.

«Похоже, в этом банке каждый третий вице-президент. Где уж на такую ораву набраться нормальной мебели, секретарш и шампанского», – подумал я.

Впрочем, у Пашвыкина секретарь все-таки была. Отдал ей визитку и утонул в стандартном кожаном кресле для посетителей.

– Проходите, Анатолий Афанасьевич, – не дала насладиться уютом секретарь.

– Станислав Валентинович, – представился вице-президент, – Скажите, Анатолий Афанасьевич, как вы с такими деньгами оказались в нашем филиале?

– Волей случая. Наш Пороховский опытно-механический завод ваш клиент.

– Вы намерены восстановить производство?

– Не восстановить, а переориентировать. У нас контракт на закупку итальянского оборудования и лизинговый договор с немцами. А денег хватит только на первый взнос лизингодателю. Так, скромный взнос нашего инвестора.

– А кто ваш инвестор?

– Акционерное общество «Невпроект».

– Судя по названию, Ленинград?

– Угадали.

– Что ж, планы большие... Тем более ваш счет должен быть у нас, в центральном офисе. Я так понимаю, вам в скором времени потребуется валюта?

– Уже завтра.

– А филиалы не ведут валютных операций. Это наша прерогатива... Поэтому, Анатолий Афанасьевич, рекомендую вам срочно перевести ваш счет к нам. Для этого вам всего лишь требуется написать заявление на мое имя. Кстати, оно уже готово. Надеюсь, печать у вас с собой?

– Разумеется.

– Чудненко, – заключил Пашвыкин, когда я расписался и поставил печать, – Через день зайдите к секретарю и узнайте ваши новые реквизиты. Деньги уже будут здесь. Сразу же можете написать заявление о покупке валюты.

Я поблагодарил вице-президента за оперативность, и облегченно вздохнув, покинул центральный офис. Пусть теперь администрация района и «братки» решают, что угодно. Уже завтра наши деньги в Порохово растворятся без остатка, а счет будет закрыт...

– Молодец, что зашел, – радостно встретил меня Гусев, – Вольский переговорил с Тяжловым и Власовым. Обещают помочь. Тебе надо встретиться с Власовым и объяснить ситуацию.

– Кто такой Власов?

- Да ты что, Толя? Стыдно не знать таких людей.
- Стыдно, Георгий, но действительно не знаю.
- Первый зам Тяжлова. Он же председатель совета директоров «Уникомбанка»... Если убедишь, дело в шляпе.
- Попробую... А как к нему попасть?
- Я тебя записал на завтра. Время приема узнаю с утра. Так что приезжай, – пригласил Гусев, – Но это еще не все. Тут прямо над нами офис Лебедева. Так у него там такая дама гуляет... Кстати, экономистка. Сейчас пробивает какую-то лотерею, вроде спортивной... Говорит, если удастся, денег будет вагон и маленькая тележка.
- Так они и отцепят нам ту тележку. Так что, Георгий, толку от вашей экономистки никакого.
- Не скажи... Говорит, у нее связи в «Уникомбанке». Все может пробить, минуя руководство... Так что, Толя, можно попробовать действовать с двух сторон. Пойдем, я тебя с ней познакомлю, – предложил он...

Дама оказалась под стать своему начальнику – с гонором. Окинув нас презрительным взглядом, спросила:

- А вы хоть знаете, что такое бизнес-план, Анатолий Афанасьевич?
  - Хоть знаю, – ответил ей.
  - Я вполне серьезно. Здесь никто этого не знает. Даже мой шеф.
  - Верю, – ответил ей и достал вариант документа, который всегда носил с собой, – Посмотрите, но это единственный вариант. Я вам его отдать не могу.
- Вероника, как представилась девушка, тут же принялась с интересом листать документ.
- А можно я сделаю ксерокопию? – минут через пять спросила она.
  - Зачем?
  - Вы хотите, чтоб я вам помогла?
  - У вас есть такая возможность?
  - Есть. К тому же с вашим бизнес-планом, мне кажется, проблем не будет. У вас действительно хороший бизнес-план.
  - Анатолий Афанасьевич сам его сделал, – похвалил меня Гусев.
  - Да-а-а? – удивилась Вероника, – А что вы кончали?
  - Чего я только ни кончал, – ответил ей.
  - Вы экономист?
  - Вот чего нет, того нет.
  - Странно. Все показатели проекта говорят об обратном.
  - Бог с ними, с показателями. Как мне вас благодарить, если что получится?
  - Благодарность мы определим потом в виде циферки с тремя нулями. А циферку сами поставите, какую сочтете нужной... Идет?
  - Идет, – ответил ей.
- Через час, сняв копию, Вероника вернула мой документ:
- Завтра же приступаю к работе, – объявила она...

Вечером позвонил Пискунов:

- Слушай, Толя, я тут был у одного деятеля, так он сказал, что вопрос с гарантией можно решить через Власова. Знаешь такого?
- Знаю.
- Откуда? – удивился кум.
- Стыдно не знать таких людей, – ответил ему словами Гусева.

– В общем, мне дали телефон его секретаря-референта. Давай завтра попробуем прорваться.

– Давай, – согласился я, – Кстати, Гусев уже записал меня на прием, причем, именно на завтра.

– А ты что же молчишь?! – возмутился кум.

– Ты меня опередил, – косвенно похвалил его.

– Вот видишь. Я тоже что-то могу, – оттаял Пискунов.

– Можешь-можешь, – подтвердил я, – Приезжай завтра к Гусеву, – пригласил его.

– Это к тому чокнутому политику?

– К нему... Он теперь на Старой Площади сидит, где Вольский.

– Да ты что, Толя? Я боюсь с ним встречаться. Опять начнет агитировать.

– Не начнет... Да он тебя уже давно забыл. Я тебя заново представлю, – пообещал ему...

В тот день прием у Власова начался в восемнадцать ноль-ноль. Мы подошли к секретарю-референту, и Пискунов передал ему привет от какой-то влиятельной личности.

– Сейчас подумаю, как вас протолкнуть, – засуетился чиновник.

– Не надо думать. Я записан на прием, – показал ему свою фамилию в его списке, – Добавьте туда Пискунова, директора Пороховского завода. Мы с ним по одному делу.

– Это хорошо, – обрадовался секретарь, – Попробую вас продвинуть вперед, – пообещал он.

Продвинул он нас, или нет, но к Власову мы попали около восьми вечера.

– Я буду докладывать, – оттолкнул меня Пискунов и первым вошел в кабинет высокого руководителя, – Директор Пороховского опытно-механического завода Пискунов Владимир Александрович, – по-военному представился он.

– Так-так... Тут у меня записан Зарецкий, – обратился зам губернатора к референту, вошедшему вместе с нами.

– Я Зарецкий, – представился ему, – Мы по одному вопросу.

– Хорошо, – согласился Власов, – Докладывайте, – обратился он ко мне.

– Я доложу, – бесцеремонно врезался Пискунов и, не дождавшись одобрения, понес такую чушь, что помощник Власова остановился в недоумении, прекратив вести свои записи. Минуты через три Власов не выдержал:

– Извините, товарищ Пискунов, я вас не понимаю... А вы можете что-нибудь сказать по существу? – обратился он ко мне, – Или у вас один докладчик?

– У нас одно дело, но мы представляем разные организации, – ответил ему и двумя фразами пояснил суть нашей проблемы.

– Вот теперь понятно, – подтвердил Власов, – Непонятно другое, товарищ Зарецкий. Почему область должна вам помогать? У вас же частное предприятие.

– Мне почему-то казалось, что вы должны быть заинтересованы в улучшении жизни ваших жителей. Пусть пока в Порохово... А мы это гарантируем. Наше производство не просто рентабельное, а высокорентабельное.

– Очень хорошо. Вы и будете обогащаться... Причем здесь наше население?

– Зарплата наших работников планируется выше средней по району. За нами вынужденно потянутся другие предприятия... А налоги?.. Наше предприятие ничего не просит от области, а будет неплохо пополнять областной бюджет.

– Как это не просит? – улыбнулся Власов, – Вы же пришли к нам не с деньгами, товарищ Зарецкий, а с просьбой.

– Именно с деньгами, Виктор Васильевич. На нашем счете в Пороховском филиале «Уникомбанка» уже сосредоточены три миллиарда шестьсот миллионов рублей. Администрация района второй день заседает по поводу этих денег.

– Не понимаю. Причем здесь районная администрация? – удивился Власов.
– Я тоже не понимаю. Думаю, не причем. Но она, видимо, не согласна с нами, – заявил я под дружный смех присутствующих.
– Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Вы подготовили заявление?
– А как же, – передал ему документ, который написал по рекомендации многоопытного Гусева.
– Хорошо. В течение недели получите ответ, – пообещал первый заместитель губернатора Московской области...

– Вова, я так и не понял, что ты хотел сказать Власову? – спросил Пискунова уже в коридоре.

– Не понял он... Умные вы очень... Я по-простому хотел объяснить, что если они не поддержат завод, мы загнемся... Мы и так банкроты, а если люди останутся без работы, они им покажут.

– Вова, но мы же не за этим приходили. Власов, как администратор, контролирующий правительственный банк, может и должен нам помочь с банковской гарантией. Это взаимовыгодно. Вот и все.

– Любишь ты умничать, Толик... Да и этот хореk такой же... Вот увидишь, пока ни подмажем, никто нам не поможет, – предложил он свой способ разрешения проблемы...

Неделя пролетела в приятных хлопотах, в результате которых у нас появилась валюта в сумме шестисот тысяч долларов, а на новом счете еще осталось около четырехсот миллионов рублей. Скандал разгорелся в конце недели:

– Кто тебе дал право распоряжаться деньгами?! – коршуном налетел на меня Пискунов, – Ты хоть представляешь, кем меня теперь считают в Порохово?! Да там уже все деньги распределили, а они вдруг бах и исчезли... Ты зачем закрыл счет?! – неистовствовал возмущенный кум.

– Может, ты перестанешь орать и начнешь слушать? – спросил его.

– Что тебя слушать? Тебя гнать надо из директоров!.. Так и поставлю вопрос перед Коробкиным.

– Ставь... Он лично распорядился покупать валюту.

– Коробкин?.. А он, почему распоряжается? У нас с тобой восемьдесят процентов.

– Не восемьдесят, а пятьдесят пять.

– Какая разница. Все равно у нас больше, чем у него.

– Вова, ты уверен, что в этом вопросе я буду на твоей стороне?

– А на чьей же? – задохнулся от возмущения Пискунов, – Мы должны быть одним кулаком, чтобы очистить этого проходимца... Ты же обещал ребятам.

– Что я обещал, Вова? Каким ребятам?

– Не называй меня Вовой! Надоело... Я Владимир Александрович, – прорвало его вдруг, – Ты забыл, кто такой Султан? Можно и напомнить, – перешел он к откровенным угрозам.

– Вова, запомни раз и навсегда... Никаким Султанам, Иванам и Петькам Косым я ничего никогда не обещал... Это у тебя какие-то обязательства... А меня к ним не примазывай... В этом плане мы с тобой не один кулак, потому что я хочу строить, а у тебя, похоже, противоположное желание... Так что, пока не поздно, давай разойдемся по-тихому.

– Что значит разойдемся?.. Ты меня втянул в это дело. Я для тебя захватил завод и содержу его... Знаешь, чего мне это стоит?

– Вова, не смейся... Для завода ты пока не сделал ничего, хотя и воображаешь себя директором. И денег ты туда не вложил ни копейки. Зато от Гарбера и Коробкина уже получил сверх меры.

– Что ты знаешь?! – снова задохнулся Пискунов, – Ты давно был на заводе? Приезжай, посмотри, а не болтай зря.

– Приеду, когда надо будет, – ответил ему, всем видом продемонстрировав, что наш разговор окончен...

– Нет, Толик, ты так просто от меня не отделаешься, – снова навалился Пискунов, – Объясни, зачем ты закрыл счет в Порохово, и где наши деньги? Администрация и братва из себя вышли, когда узнали, что деньги исчезли. Меня спрашивают, а я ни ухом, ни рылом.

– Вот поэтому и надо было закрыть счет... Слишком прозрачные стены у вашего Пороховского банка.

– А ты что хотел? Это же деревня.

– Хочу, чтобы о наших делах как можно меньше знала ваша администрация, а уж тем более ваша братва... Кстати, закрыл счет и перевел деньги не я, а центральный офис «Уникомбанка». Такие деньги не для филиалов. И валютой филиалы не занимаются.

– Ага... Значит, у нас теперь счет в центральном офисе?

– В центральном.

– Это хорошо, – внезапно обрадовался Пискунов, – А моя подпись там есть?

– Есть... Все формуляры, оформленные в Порохово, действительны и здесь.

– Это хорошо, – повторил Пискунов, загадочно улыбаясь...

С тех пор, как мы встречались с Власовым, прошла неделя. Мимоходом зашел к его секретарю-референту.

– Пока ничего нет, Анатолий Афанасьевич. Ждите, – ответил он...

Вечером позвонил Пискунову:

– Слушай, Володя, от Власова пока ничего. Надави там на своих «власовцев», может, поторопят?

Через час позвонил кум:

– Подъезжай завтра к одиннадцати на Старую Площадь. Передадим привет от кое-кого. Зачешутся они у нас, – распетушился он...

В одиннадцать мы уже вошли в подъезд администрации Московской области.

– Слушай, как этого хмыря зовут? – спросил Пискунов, когда мы уже поднялись на нужный этаж.

– Какого хмыря?

– Да этого секретаришку.

– Ты ему приветы передавал, Вова... Обязан знать.

– Нужен он мне.

– А мне тем более.

– Неудобно как-то. Надо узнать. Пошли пока в другую сторону. Посидим. Может, у кого спросим?

– Не морочь себе голову. У него и спросим.

– Не понимаешь ты ничего в дипломатии, Толик, – неожиданно рассмешил меня «дипломат» Пискунов, – Извините, вы не подскажете, как зовут секретаря-референта Власова? – остановил он важно шествовавшего куда-то немолодого чиновника, словно возникшего из той еще советской поры, кажущейся уже такой далекой.

– Подскажу, – неожиданно обрадовался чиновник, – А он вам зачем?

– По делу, – раздраженно ответил Пискунов.

– Вы не обижайтесь, молодой человек. Я не из праздного любопытства, а от жутчайшей скуки современного бытия, – неожиданно открылся старый администратор, – Минуточку, –

сказал он и, не торопясь, поплыл по ковровой дорожке в сторону приемной Власова, – Сережа, как тебя зовут? – услышали мы из приемной его голос.

– Как меня зовут? – раздался удивленный голос секретаря, – Вы что, забыли, Николай Кузьмич?.. Сережей меня зовут... Сергеем, – повторил он для убедительности.

– Да нет... Не волнуйся так, Сереженька... Помню еще... Вот только отчества твоего не знаю.

– Можно и без отчества, Николай Кузьмич. Обходились же до сих пор.

– Нет. Ты все-таки скажи, Сережа, – настаивал скучающий чиновник, с удовольствием смакуя представившуюся возможность плодотворно поговорить с человеком при деле.

– Алексеевич, – выдал, наконец, свою тайну секретарь.

– Спасибо, Сереженька. Премного тебе благодарен, – раскланялся удовлетворенный старожил Старой Площади.

– Не за что, Николай Кузьмич. Заходите еще. Всегда рад услужить.

– Непременно зайду, Сереженька... Непременно зайду.

– Ну, дает, – не выдержал Пискунов, – Шел по своим делам, а из-за нас уже минут десять потерял. Делать ему, похоже, нечего. Вот и скучает, старый хрен, – проворчал он...

– Его зовут Сергей Алексеевич, молодые люди. Желаю успехов, – сообщил свою новость чиновник и неспешно двинулся дальше по длинному-длинному коридору административного здания.

– Спасибо большое, Николай Кузьмич, – крикнули ему вслед.

– Не за что, – донеслось откуда-то с противоположной стороны коридора.

Странное эхо загадочного здания на Старой Площади... Чудом сохранившиеся загадочные люди из незнакомой нам административной жизни бывшего аппарата управления загадочной страной под названием Советский Союз...

– Слушай, Анатолий, ты посиди лучше здесь, а я сам с ним переговорю, – вдруг засуетился Пискунов.

– Говори, если это важно, – согласился, не почувствовав подвоха.

– Не обижайся. Один на один проще договориться, – радостно заулыбался он.

– О чем договориться?

– Секретарь-референт важная фигура, – не ответив на мой вопрос, высказал мудрую мысль кум и ушел в сторону приемной...

Вернулся он минут через пятнадцать:

– Пойдем отсюда, – озабоченно потянул к лифту.

– Ну что, договорился? – спросил его.

– Тише ты, – дернул он меня за рукав, – Не здесь.

Мы вышли из здания и пошли к метро, а он все молчал и молчал.

– Вова, а здесь можно? – не удержавшись, спросил его, мысленно потешаясь над патологической склонностью подобных людишек «наводить тень на плетень».

– И здания имеют уши, – важно ответил кум и пошел дальше, сохраняя обет молчания.

«Ну и ну... Это неспроста», – подумал и не ошибся...

– Как я и думал, надо давать, – шепотом прорезался, наконец, Пискунов, когда вышли на шумные просторы площади Дзержинского.

– Что давать? – не понял его.

– Ну, ты даешь, Толик... Деньги... И немаленькие.

– Кому и за что?

– Целый список.

– Секретарь дал?

– А кто же еще... Наверняка доверенное лицо самого... Кстати, его тоже надо отблагодарить... Завтра же... Поехали к Коробкину. Пусть даст хоть тыщонку.

– Чего тыщонку? – снова не понял я, далекий от Пискуновской системы «не подмажешь, не поедешь».

– Ну, не рублей же! – искренне возмутился Пискунов.

– Ничего себе! – не удержался я, – Сколько же тогда остальным?

– Много... Самому, не менее пятидесяти, а остальным, в зависимости от должности.

– Не слабо... И сколько их, этих «власовцев»?

– Да тише ты!.. Без фамилий... С десятков наберется.

– Слушай, Вова, а не сочиняет ли твой Сергей Алексеевич?

– Ну и наивняк ты, Толик... Да кто же сейчас дела делает без взяток?.. Важно найти, кто берет. Тогда дело в шляпе. А эти берут. Значит, мы на коне.

– Нет, Вова... Мне все это не нравится. Не давал взяток, и давать не буду, – возмутился я.

– И не давай. Я буду давать... А ты только поддержи меня у Коробкина, – попросил кум. «Ну и система... Сначала бандиты, теперь администрация... Сколько их еще?.. И всем дай... Что же нам останется? Одна зарплата?» – размышлял, потрясенный сообщением Пискунова...

– Тысячу секретарю?.. Что-то многовато, – ничуть не удивившись, отметил Коробкин, когда Пискунов попросил денег на взятку. Хорошо, о других суммах не заикнулся.

– Что значит многовато, Сергей Львович? – возмутился потенциальный взяткодатель, – Подтверди, Анатолий, – обратился он ко мне.

– Что подтвердить? Я с ним не общался, – не согласился я, тут же ощутив на себе полный ненависти взгляд кума.

– Вот вам пятьсот долларов, Владимир Александрович. По-моему, хватит, – прекратил назревавший конфликт Коробкин и выдал деньги.

– Это по-вашему многовато, Сергей Львович?.. Здесь вам не Питер... Здесь расценки другие, – проворчал Пискунов, пряча деньги в портмоне.

– Почему не поддержал? – зло спросил Пискунов в коридоре, – Мы же договаривались.

– Я не возразил против твоих измышлений... А врать мы не договаривались.

– Каких измышлений? Что значит, врать? – возмутился кум.

– Я не был с тобой во время разговора, а это значит, подтвердить ничего не могу. Истина без подтверждения всего лишь версия, измышление... Можно либо верить, либо не верить, а это уже из другой области.

– Значит, вы мне не верите? Значит, я вру?

– Ничего не могу утверждать.

– Хорошо же ты обо мне думаешь, Анатолий. Не ожидал... Ладно, я положу эти деньги в конверт и отдам их при тебе... Поехали, – решительно заявил кум и действительно переложил деньги из портмоне в подходящий конверт, который неожиданно вынул из того же бокового кармана.

– Куда поехали?

– Откуда приехали, – мрачно ответил разгневанный Пискунов.

Я не стал спорить, и мы снова направились на Старую Площадь. Мы молча ехали в метро, молча вошли в здание и молча поднялись лифтом на нужный этаж.

– Жди здесь, – бросил кум в коридоре и метнулся к приемной.

Я опешил от неожиданности и встал как вкопанный, удивленно глядя в спину удаляющегося Пискунова. У входа в приемную он на секундочку приостановился и неуклюже выдернул конверт с деньгами так, что, мне показалось, часть купюр осталась в кармане.

«Скинул», – машинально отметил я. Все было сделано настолько чисто, что обычный человек, даже стоя рядом, вряд ли заметил бы ту нехитрую манипуляцию фокусника или мошенника. Иное дело я, имевший подготовку вора-карманника и соответственно другое зрение.

«Лихо сработал... Не так прост, как прикидывается... Навыки есть... Наверняка брал карман... Или готовился», – размышлял над тем, что увидел своими глазами...

Пискунов вышел минут через десять:

– Ну вот, все в порядке, – радостно потер он руки, – Теперь дело пойдет... Ну, видел? – спросил он очевидно о конверте.

– Видел, – ответил ему, – Даже больше, чем ты думаешь.

Довольная улыбка мгновенно слетела с физиономии кума, сменившись выражением испуга, а затем дикой злобы:

– Что ты видел?... Что ты мог видеть?... Видел он что-то... Что ты там мог такое увидеть? – повторял он на разные лады, пока стояли у лифта.

Я молчал, но с каждой его фразой мои подозрения обращались в твердую уверенность. Нет. Мне не показалось. Часть денег, предназначенных секретарю, осталась в кармане Пискунова. И сделал он это умышленно и, можно сказать, профессионально.

– Вова, а зачем ты изъял из конверта часть денег? – спросил его в лифте, где кроме нас никого не было.

– Ты что выдумал? – задохнулся от возмущения Пискунов, – Ты видел?! – выдохнул он.

– Видел, – спокойным тоном подтвердил я, – Вот только число изъятых купюр не усек. А так все было сделано мастерски, – похвалил кума.

Конечно же, моя похвала была ему до лампочки, но по моему лицу он понял, что отрицать очевидное бессмысленно.

– Видел он, – повторил кум, соображая, очевидно, как поступить, – Не все ты видел, Толик... Изъял купюры... Да не изъял я их, а свои доложил... Этот жадный Коробкин думает пятью сотнями отделаться... А я так не думаю. Я решил, лучше свои добавлю, а дело сделаю, – нашелся мошенник и тут же повеселел от своей находчивости, – Кстати, Толик, а ты не хочешь компенсировать мои потери? Коробкин же дал тебе деньги на расходы, – нагло посмотрел он.

– Ну, Вова, ты находчив... Только меня не обманешь. Я своим глазам пока доверяю.

– Что мне карманы вывернуть, чтоб ты поверил? – снова взорвался Пискунов.

– Да я и сам могу их вывернуть. Даже не заметишь, – в запале ляпнул ему лишнее.

– Да-а-а? – с удивлением посмотрел на меня кум, – Не ожидал от тебя, Толик, – сказал он и умолк, задумавшись.

«Коллега... Бывший», – подумал о нем, сообразив, что, похоже, он тоже что-то понял про меня...

Уже на следующий день позвонил Гусев:

– Анатолий, тут тебя Власов разыскивает через Вольского. Срочно подъезжай.

Через час я был на Старой Площади. Не заходя к Гусеву, сразу направился к Власову.

– Здравствуйте, Сергей Алексеевич, – обратился к секретарю-референту, – Мне позвонили от Вольского и сообщили, что Виктор Васильевич хочет меня видеть.

– Я не в курсе, Анатолий Афанасьевич. Сейчас узнаю... У него, правда, люди из банка. Выйдут, тогда зайдете. Вы посидите пока, подождите, – предложил он.

– Сергей Алексеевич, те банкиры случайно ни из «Уникомбанка»? – спросил его, интуитивно почувствовав связь между поисками моей персоны и встречей Власова с людьми из банка.

– Оттуда, – подтвердил референт, – Тогда я сейчас узнаю... Проходите, Анатолий Афанасьевич, – предложил он, пообщавшись с вице-губернатором по своим каналам связи...

– Вице-президент «Уникомбанка» товарищ Пашвыкин, – представил мне Власов одного из сидевших за столом переговоров.

– Со Станиславом Валентиновичем мы знакомы, – сказал Власову, пожимая руку удивленному Пашвыкину.

– Совершенно верно, – присмотревшись, узнал меня вице-президент, – Это вы к нам недавно перешли из Пороховского отделения с тремя с половиной миллиардами?

– Так точно, – по-пискуновски ответил ему.

– Хорошее начало, Анатолий Афанасьевич, – одобрил Власов, – Товарищ Мерзликин. Тоже вице-президент. Может, вы и с ним знакомы? – представил он второго собеседника.

– Нет, Виктор Васильевич... Мы лишь недавно перешли в центральный офис. Еще не всех успели узнать.

Мы еще поговорили о чем-то подобном. Наконец, Власов, согнав улыбку, всем видом продемонстрировал, что готов сообщить главное, ради чего собрались. Все притихли.

– Анатолий Афанасьевич, администрация области рассмотрела ваше заявление и решила, помочь вашему предприятию... Дело за банком... Мы тут без вас посоветовались и решили, что для начала банк должен изучить ваш проект. Разумеется, не затягивая дела. Если документы в порядке, вынесем ваш вопрос на ближайший комитет. Чем быстрее, тем лучше... Вам все понятно? – спросил он.

– Понятно, – ответил ему.

– Тогда передаю вас в надежные руки моих банковских коллег, – пошутил Власов, показав на парочку вице-президентов. «Власовцев», – чуть ни сорвалось вслух.

– Подъезжайте ко мне завтра, прямо с утра, – сказал, прощаясь со мной, Пашвыкин...

Вечером собрал все, что у меня было по проекту, включая гору рекомендательных писем Вольского во все инстанции. Папка оказалась довольно приличных размеров и едва поместилась в сумку, взятую напрокат у дочери...

– Это наш эксперт Игорь Григорьевич, – представил мне Пашвыкин своего сотрудника моих лет, – Он будет вплотную заниматься вашим проектом. Чем быстрее и точнее вы выполните все, что он потребует, тем оперативнее он подготовит заключение для комитета... В ваших интересах, Анатолий Афанасьевич, не затягивать работу... Желаю успехов, – отпустил он нас.

Мы перебрались в комнату, где располагался сам Игорь Григорьевич Волошин и еще несколько человек, и занялись документацией...

– Где вы взяли этот бизнес-план, Анатолий Афанасьевич? – удивленно спросил Волошин, получив от меня первый же документ по его огромному списку.

– Сделал, разумеется... Что вас удивило, Игорь Григорьевич? – не понял его вопроса.

– Сами сделали? – с улыбкой недоверия спросил он.

– А как же... За несколько лет и не такому можно научиться.

– Вы не обижайтесь, Анатолий Афанасьевич, но я вам не верю, – огорошил меня эксперт, – Этот бизнес-план я уже вижу не первый раз. Совсем недавно мне его приносила девушка из очень солидной организации. И подписан он очень солидными людьми.

– Вероника? – догадался я.

– Ну, вот. Теперь хоть понятно, у кого вы позаимствовали документ... Что ж, Анатолий Афанасьевич, продолжать, думаю, бессмысленно. Пойдете со мной к Пашвыкину, или я сам доложу? – предложил он.

– Что доложите, Игорь Григорьевич? О чем вы догадались? – возмутился, поняв, наконец, в чем он меня обвиняет, – Этот документ уже давно гуляет по Москве и области. Не удивлюсь, если и гораздо дальше.

– Вот и до вас дошел, – ехидно перебил меня эксперт в полной тишине, внезапно повисшей в комнате.

Оглянувшись по сторонам, вдруг увидел, что остальные сотрудники очень внимательно следят за развитием событий. И все как один улыбаются, рассчитывая стать свидетелями нередкого, очевидно, в этих стенах спектакля разоблачения очередного мошенника. И этим мошенником, по их мнению, являюсь я, автор документа. Какой кошмар!..

Преодолев волну возмущения, спокойно предложил:

– Игорь Григорьевич, я готов доказать свое авторство.

– Каким это интересно образом? – с хитрой улыбочкой, не предвещавшей ничего хорошего, спросил он.

– Откройте страницу тринадцать, – попросил его, – В тринадцатой строке считается сумма. Сосчитайте ее, пожалуйста, на калькуляторе.

– Хорошо... Сосчитал. И что?

– У вас должна получиться сумма, ровно в полтора раза меньше указанной в ответе.

– Ну, получилась. И что?

– Откройте страницу пятнадцать.

– Открыл.

– Там есть ссылка на страницу тринадцать. Какая сумма там указана?

– Так... Та, что на калькуляторе. И что?

– Чуть ниже считается очередная сумма. Какая цифра стоит на третьей позиции?

– Минуточку... Та, что неверно указана на тринадцатой странице. И что из этого?

– А теперь сосчитайте сумму с обеими цифрами. Ответ совпадет только при подстановке верной цифры. Той, что на калькуляторе. Считайте, – предложил ему.

– Верно... И что это значит?

– Могу вам сходу показать еще с десятков таких ловушек. А все они записаны в моем компьютере.

– Не пойму, зачем это?

– А вы попробуйте пересчитать весь бизнес-план. Вы убедитесь, что у вас не сойдутся концы с концами. Как вы тогда поступите, Игорь Григорьевич?

– Верну на доработку.

– А вот доработка невозможна. Правильные исходные данные знает только автор, то есть я, что и требовалось доказать.

– Интересно... Трудно возразить... Вот только как мы будем проверять вашу математику, если вы все так запутали?

– Очень просто. Я дам вам исходные данные. И ваши итоговые результаты должны совпасть с моими. А математика этого документа лишь создает иллюзию правдоподобия. Любой эксперт завернет такой документ.

– Ну, вы и хитрец. Где научились?

– В секторе анализа информации РКК «Энергия».

– Хорошие учителя... А кем вы работали в РКК «Энергия»?

– В конце своей двадцатилетней деятельности возглавлял именно тот сектор. Кстати, я его и создал, – ответил, вызвав дружный смех сотрудников Волошина.

Все вдруг встали со своих мест, и подошли к нашему столу знакомиться со мной...

– А вот, Анатолий Афанасьевич, ответьте на такой вопрос, – обратился ко мне некто, представившийся Дмитрием Ярославичем Головановым, – Я сам бывший строитель. Мне очень интересно, как вы будете устанавливать такие тяжелые станки в цеху? Особенно те, которые весят более семидесяти тонн.

– Эти станки поступают в разобранном виде. Самая тяжелая деталь весит пять тонн и легко поднимается цеховой кран-балкой. Их монтируют прямо на фундаментах.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич. Я именно так и представлял... А вот дама, которая была перед вами, утверждала, что их устанавливают мощным краном через крышу, – рассказал он под всеобщий смех.

Похоже, после моего последнего ответа больше никто не сомневался ни в моей квалификации, ни в моем авторстве.

– Давайте ваши исходные данные, Анатолий Афанасьевич, – добродушно посмеиваясь, попросил Волошин. Я протянул ему листок, – Что ж, приходите через день. Проверим, совпадут наши ответы, или нет.

Прямо из банка поехал к Коробкину обрадовать его подвижками в нашем общем деле. К моему удивлению, у него оказался и Пискунов.

– Анатолий Афанасьевич, а вы видели этот список? – показал Коробкин листок с десятком фамилий, около которых карандашом были проставлены какие-то цифры. Знакомой в том списке была только фамилия вице-губернатора.

– Не видел, Сергей Львович. Я другими делами занимался.

– Какими, если не секрет?

– Вчера был у Власова, а сегодня в «Уникомбанке».

– Ну, кто тебя просил?! – неожиданно взорвался Пискунов, – Что ты лезешь на глаза до решения вопроса?

– Какого вопроса?.. Кстати, Власов сам меня пригласил через Вольского.

– Как это сам? Почему только тебя? Мы же вдвоем были на приеме, – возмутился кум. Коробкин слушал, не вмешиваясь в наш разговор.

– Не знаю, Вова. Спроси у него... В общем, Сергей Львович, администрация области нас поддержала. Вчера у Власова были два вице-президента «Уникомбанка». Они получили поручение Власова решить вопрос с гарантией. Сегодня отнес документы их экспертам.

– Кто сказал, что область поддержит?.. Власов?.. Он там не самая последняя инстанция, – мрачно заявил Пискунов.

– Вот выписка из решения администрации области, подписанная Тяжловым, – положил перед партнерами документ. Коробкин тут же взял его в руки и стал читать вслух...

– Ну вот, Владимир Александрович. А вы тут с какими-то взятками пришли. Все решилось и без них, – закончив читать, обрадовано сказал Коробкин.

– Чему удивляться, мы же дали секретарю, вот дело и пошло, – попытался выкручиваться Пискунов, – К тому же оно еще не закончилось.

– Первый этап пройден... Власов, я понял, наш сторонник... Кстати, Володя, твой секретарь даже не знал, что Власов меня вызывал. Неувязочка, – уколол я кума.

– Ладно, хорошо смеется тот, кто смеется крайним, – заявил он и тут же засобирился в Порохово.

Глава 25. Слово офицера?

– Как вам это нравится, Анатолий Афанасьевич? – спросил Коробкин, пододвигая все тот же таинственный список с фамилиями и цифрами, – Обратите внимание на итоговую сумму.

Я взглянул и поразился:

– Ничего себе! – невольно вырвалось у меня, – Сто пятьдесят тысяч долларов!

– Вот именно... Плохо то, что все это оказалось буйной фантазией Пискунова... Интересно, а секретарю, он при вас деньги давал?

– Где там, – ответил ему и рассказал о том, что видел.

Как ни странно, Коробкин ничуть не удивился и даже не возмутился:

– Значит, что-то все-таки дал... Впрочем, мог бы и совсем ничего не дать. Кстати, я именно это и предполагал.

– А зачем тогда дали ему деньги? – не понял я.

– Да что это за деньги, Анатолий Афанасьевич. Зато теперь Пискунов для меня открытая книга. Знаю, чего можно от него ожидать.

– Ой ли, Сергей Львович? Я и то этого не знаю... Что будем делать?

– Да пока ничего. А там посмотрим. Мне кажется, это не последняя его выходка, – предположил Коробкин и я мысленно с ним согласился, – Дай человеку деньги и сразу увидишь, кто такой, – продолжил он, – Вот мой водитель. И оклад у него хороший, и машина в его распоряжении, и учиться ему не запрещаю, и много еще чего перепадает... Спрашивается, что человеку не хватает?... Поручил ему как-то получить с людей должок, сорок одну тысячу. А ему сказал, должны сорок... Он и привез сорок... Я ничего не сказал, а людям перезвонил, спросил, сколько ему отдали. Ответили, всю сумму. Вот и верь после этого человеку.

– Спросили бы его самого.

– Зачем? Ну, разбогател он на тысячу долларов. Но я-то знаю, чего он стоит на самом деле.

– Ну, вы экспериментатор, Сергей Львович! – с удивлением посмотрел на него.

– А как же, Анатолий Афанасьевич, мы с вами с людьми работаем и с деньгами... С большими деньгами, – подчеркнул он, и я вдруг понял, что мне он все-таки доверяет...

А вечером, после паузы в месяц, позвонил Коренков:

– Вондрачек, ты куда пропал?

– Да замотался... А ты что не звонишь?

– Откуда? С того света? – рассмеялся он.

– Не понял, – удивился его странной шутке.

– Да тут, Вондрачек, меня так прихватило. Жена думала, конец. Я-то от боли отключился, ничего не помню. Вызвала скорую, та меня мгновенно в кардиологию. Вытащили, можно сказать, с того света. Вот уже месяц лежу в госпитале.

– Да ты что!.. Ну, Вондрачек, не ожидал... Ты мне всегда казался таким могучим... Так ты откуда звонишь?

– Из госпиталя, Вондрачек... Будет желание, навести... Позвони моей Татьяне. Узнай, как доехать... Жду тебя, Вондрачек, – попрощался он.

Тут же позвонил Татьяне. За четверть века ее голос и манеры разговора совсем не изменились. Мы проговорили с ней целый час. Она рассказала, как чуть ни потеряла мужа, как дневала и ночевала в госпитале. Потом, как всякая мать, рассказала о своих детях, о внуке и об их проблемах. А закончили воспоминаниями о нашей с ней единственной встрече в Харькове, когда мы все были еще такими молодыми...

Утром, как и договорились, встретились в проходной госпиталя. Я сразу ее узнал, хотя, конечно же, она изменилась.

– Вондрачек, – бросилась, было, ко мне Татьяна, но тут же сдержала себя и скромно протянула руку, – Сколько лет, сколько зим... А ты не меняешься, – с улыбкой оглядела она меня.

– Да уж стараюсь, держусь, – ответил ей, – Впрочем, то же самое могу сказать о тебе. Хоть снова приглашай на танец.

Татьяна рассмеялась:

– Я уже забыла, как это делается.

– Я тоже, – успокоил ее.

– А что ты так легко одет? Закаляешься? – отметила она, оглядев мой наряд безработного.

– Что-то вроде того... Приспосабливаюсь к жизни, – брякнул первое, что пришло в голову.

– Саша рассказывал... Ничего, Анатолий. Если ваш проект пойдет, заживете нормально. О нас тогда не забывайте.

– Непременно, – ответил ей...

Коренков встретил нас в самом начале длинного госпитального коридора.

– Вондрачек! – с этим возгласом мы бросились навстречу друг другу и обнялись.

Оглядев выздоравливающего товарища, увидел перед собой счастливое лицо человека, чудом избежавшего смерти. Таким я не видел Вондрачка никогда – ни в годы учебы в Харькове, ни во время наших коротких встреч в Москве. Передо мной был другой человек, полный надежд на будущее.

Он забросал вопросами, И я с удовольствием отвечал на них.

– Ну, Вондрачек, мне кажется, у тебя дело пошло. Еще немного, и все будет как надо. Я на нечто подобное насмотрелся у Музыри... Сначала полный мрак. Как у тебя, когда ты только начинал... А потом постепенно проясняется... Помнишь, рассказывал, как он сотню бракованных «рафиков» купил? Мы еще посмеялись.

– Конечно, помню.

– Выкрутился, паразит... С моей помощью разобрались с конкурентами... Укрепился... А теперь целую сеть маршрутных такси создал... «Автолайн»... Может, слышал?

– «Автолайн»?.. Не только слышал, но и видел. Значит, это Музыря?

– Он самый.

– Молодец... Вот тебе и бабушкины пирожки, – рассмеялся я.

– Какие пирожки? – удивился Коренков.

– Да ты сам рассказывал, откуда у него стартовый капитал.

– Извини, Вондрачек, не помню, – расстроился Коренков.

– Да бог с ними, с пирожками. Ты-то как? – спросил его.

– Нормально... Через неделю выписывают... Приезжай к нам, Вондрачек... Отметим мое спасение. Увидишь все мое семейство... Приедешь?

– Непременно, – пообещал ему и поспешил на выход, потому что Татьяна уже окончила какие-то дела с медсестрой и периодически поглядывала в нашу сторону...

Прямо из госпиталя поехал в «Уникомбанк».

– Ну, Анатолий Афанасьевич, – встретил меня Волошин, – Как вы теперь объясните, что наши итоговые показатели не совпадают с вашими? Разница в тридцать процентов – это недопустимо много.

– Вы какой программой пользуетесь, Игорь Григорьевич?

- Честно говоря, не знаю... У нас для этого есть программисты.
- А как с ними переговорить? – спросил его.
- Сейчас приглашу, – пообещал он...

Минут через десять появился важного вида молодой человек, представившийся программистом.

- Ну, что тут у вас опять? – недовольно спросил он Волошина.
- Да скорее у вас, чем у нас... Вот переговорите с Анатолием Афанасьевичем. Он вам все пояснит, – связал он нас.

Минут через пять разговора понял, что для расчетов банк пользуется программой, созданной по их заказу каким-то институтом.

- А почему вы не пользуетесь «Проджект-экспертом»? – спросил его.
- Она непрозрачная... Непонятно, как считает, – ответил специалист.
- А у вас прозрачная?
- У нас прозрачная.
- Можно посмотреть?
- Нет... Для вас она непрозрачная... Программа – это закрытая информация.
- Да ладно вам. Кто ее закрыл? – посмеялся я, но добиться доступа к тексту программы так и не смог.

С Волошиным договорились, что завтра принесу расчеты в виде, доступном для проверки...

И я засел за компьютер. Для начала отыскал свою программу, в которую ввел исходные данные бизнес-плана. Часа через два получил итоговые показатели, которые не отличались от рассчитанных программой «Проджект-эксперт»...

Утром отвез свои распечатки Волошину. Через день тот позвонил:

– Анатолий Афанасьевич, могу вас порадовать... Мы не нашли ошибок в ваших расчетах. Зато теперь с вами хотят встретиться наши программисты... Подъезжайте, – пригласил он.

У Волошина ждала группа ведущих программистов банка. Было ясно, что одна из расчетных программ содержит ошибки. По мнению Волошина, моя программа считала правильно. Вывод был очевидным – несколько лет банк считал показатели бизнес-планов по дефектной программе.

Часа через три поисков мы действительно нашли и устранили все ошибки в банковской программе. А уже через полчаса Волошин с удовлетворением признал и мое авторство, и, разумеется, безошибочность моих расчетов...

Вечером позвонила Лариса и сообщила, что прилетает Серджио, и попросила его встретить. Конечно же, согласился. От мысли ехать в аэропорт на моем стареньком «Москвиче» отказался сразу – на утреннем морозе мог его просто не завести. Связался с Коробкиным.

– Нет проблем, Анатолий Афанасьевич. Подъезжайте завтра с Ларисой в офис. Съездите в аэропорт на моем «Мерседесе», – предложил он...

Несмотря на конец ноября, ночь была по-зимнему холодной – до тридцати градусов мороза. А потому утром я в своей легкой куртке и летних туфлях сразу попал в суровые объятия зимы. Рысцой добежал до автобусной остановки, и, перебираясь с транспорта на транспорт короткими перебежками, без проблем добрался до Нового Арбата. Но пока дотопал до нашего здания, мороз пробрал до костей.

- Вы что так легко оделись, Анатолий Афанасьевич? – спросил пораженный Коробкин.
- К сожалению, это самая теплая моя одежда, – удивил его еще больше.
- Ничего, Сергей Львович... Начнем работать, одену его и обую. Я обещал, – врзался в разговор Пискунов.
- Вы скорее обуете, чем оденете, – пошутил Коробкин. Шутка Пискунову не понравилась:

– Если обещал, сделаю. Слово офицера, – проворчал он...

Вскоре появилась Лариса в роскошной шубке. Выглядела она потрясающе. Когда мы вошли в кабинет Коробкина, у того заблестели глазки, и он буквально вскочил с кресла, ринувшись навстречу «иностранке»:

– Парле ву франсе? Ду ю спик инглиш? – засуетился Сергей Львович.

– Парла соло литальяно, – автоматически ответила Лариса, с недоумением взглянув на меня.

– Итальянский, к сожалению, не знаю, – огорчился Коробкин, протягивая ей руку.

– Тогда говорите по-русски, Сергей Львович, – догадавшись, улыбнулась Лариса.

– О-о-о, синьора Чендерелли! Вы прекрасно говорите по-русски. Почти без акцента, – выдал в заключение Коробкин. Мы с Ларисой рассмеялись:

– Почему я должна говорить с акцентом на родном языке?.. Я русская, и зовут меня Лариса, – представилась она.

Теперь мы уже смеялись втроем...

Самолет прилетел по расписанию, и мы с Ларисой долго стояли в толпе встречающих, поглядывая на выход из таможенной зоны, а пассажиров все не выпускали и не выпускали. Наконец появился сияющий ослепительной улыбкой Серджо. На мгновение он остановился в узком проходе, образованном встречающими, пытаясь, очевидно, отыскать нас.

– Серджо! – крикнул ему.

Он услышал и тут же двинулся в нашу сторону. Небрежно чмокнув жену, бросил вещи и широко раскинул руки для объятий:

– Привет, мой друг Анатолий! – громко и радостно приветствовал он меня.

– Буон джорно, Серджо! Бен торнато Моска! – ответил ему, с трудом вырвавшись из его медвежьих лап.

– О-о-о!.. Зпасибо... Анатолий знать итальянски? – удивленно спросил Серджо.

– Это все, – ответил ему, и мы рассмеялись.

– Это тебе, – передал он мне тяжелую сумку с эмблемой «Simes», – Документы, – пояснил он, и я тут же понял, почему он попросил его встретить. У него остался лишь небольшой чемоданчик на колесиках.

Лариса меж тем недовольно оглядывала мужа. «Действительно нехорошо. Все внимание мне, а не ей», – подумал я и, разряжая обстановку, заторопился:

– Пойдемте, водитель ждет, неудобно.

Тогда я не знал, что именно так принято в деловом мире – приоритет клиенту, а не прочим особам, кем бы они ни были. А Лариса была огорчена вовсе не этим:

– Вы смотрите, Анатолий Афанасьевич. Вчера говорила ему, что у нас холодно. А он оделся, как вы, очень легко. Замерзнет, простудится, – сказала мне и что-то добавила по-итальянски ему, действительно одетому не по сезону – в легкое пальтишко, шляпу и туфли.

– Чичас, – тут же засуетился Серджо, открыл свой чемоданчик и вынул оттуда вязаную шапочку. Он натянул ее на голову, надел сверху шляпу, и рассмеялся, – Нон фрэско.

– Клоун... Сними, не позорься, – совсем расстроилась Лариса. Серджо, не понимая ее, стоял и виновато улыбался, напоминая своим странным головным убором одного из пленных под Сталинградом. Я знаками показал ему, что шапочку можно не одевать:

– Машина. Тепло, – добавил словами. Он понял и немедленно восстановил свой прежний вид. Лариса успокоилась...

– О-о-о!.. «Мерседес»? – приятно удивился он, когда подошли к машине, – Ты иметь такой машина, Анатолий?

– Нет. Мой партнер, – пояснил ему. Серджо понимающе кивнул, и что-то сказал Ларисе.

– Он сказал, такая машина только у их хозяина... У Серджи тоже «Мерседес», но гораздо скромнее... И еще сказал, ваш партнер имеет деньги. Будем работать, – перевела Лариса...

Мы вернулись в офис, где Лариса познакомила Коробкина с Серджи и поблагодарила за предоставленный транспорт. А лучезарный Серджи тут же одарил Сергея Львовича комплектом традиционных фирменных сувениров: календариков, блокнотиков, авторучек, зажигалок и значков с фирменной символикой.

Удовлетворенный Коробкин предложил все дела перенести на завтра и отправил их домой той же машиной. Я же принялся с интересом изучать содержимое своей посылки. Там оказались три комплекта строительных чертежей фундаментов под оборудование.

– Один экземпляр мне, – тут же заявил Пискунов.

– Вова, там же по-английски, – попробовал его урезонить.

– А мне без разницы. Покажу знающим людям... На заводе должен быть экземпляр, – решительно добавил он.

– Согласен, – поддержал Коробкин, – Только не растеряйте, Владимир Александрович.

– Что вы, Сергей Львович. У нас порядок... Большое спасибо, – поблагодарил он, пряча документы в портфель. Я же промолчал, смутно ощущая очередной подвох, но еще не представляя, в чем он может выразиться...

– Анатолий Афанасьевич, завтра непременно подъезжайте часикам к двенадцати, – предупредил Сергей Львович, – Хочу обсудить наши перспективы. А потом пообедаем в ресторане.

– Может, в ресторан без меня? – предложил ему, стыдясь своего наряда.

– Без вас нельзя, Анатолий Афанасьевич. Вы генеральный директор. Это ваши гости. Я с ними только-только познакомился. Так что надо, Анатолий Афанасьевич, – твердо заявил Коробкин. Оставалось лишь согласиться...

Ларису и Серджи встретил в вестибюле. Лариса была в той же шикарной шубке, а Серджи в нелепой дубленке и огромной зимней шапке.

– Ну, вот, Лариса. А ты боялась, Серджи замерзнет, – отметил, с завистью оглядывая его наряд.

– Вчера купили, Анатолий Афанасьевич... Так, деньги на ветер... Он же это в Италию не возьмет. Будет здесь валяться, – с досадой сообщила Лариса, жалеющая, очевидно, о напрасных тратах семейного бюджета.

А Серджи сиял солнечной улыбкой и тархтел о чем-то без умолку по-итальянски. Лариса, казалось, не слушала его, а я не понимал ни слова.

– О чем он говорит? – спросил Ларису.

– Рассказывает вам о наших вчерашних приключениях... Столько магазинов обошли, пока ни нашли его экзотический наряд, – сердито «перевела» Лариса и снова умолкла.

А Серджи все говорил и говорил, обращаясь ко мне.

– О capito, – подбодрил его, тут же поймав насмешливый взгляд Ларисы.

– Маладэц, – хлопнул меня по плечу удовлетворенный Серджи...

А у Коробкина уже ждали Людмила и Владимир Александрович.

– Минут пятнадцать поговорим и сразу в ресторан, – шепнул Сергей Львович, – А вы что в таком затрапезном виде, Анатолий Афанасьевич? Я же предупреждал, – сердито отметил он.

– Я тоже предупреждал, что не пойду. Мне действительно больше нечего надеть, – с досадой ответил ему. Похоже, Коробкин, наконец, понял мои затруднения:

– Ладно, Анатолий Афанасьевич, не берите в голову. Сойдет и так, – подбодрил он...

Минут пятнадцать поговорили ни о чем. Деловой разговор в таком странном коллективе не клеился, и, почувствовав общий настрой, Коробкин предложил съездить пообедать. Его сообщение вызвало бурный восторг Чендерелли и очередной приступ недовольства Ларисы, настроенной, очевидно, на переговоры.

– Ладно, Лариса, еще успеем наговориться, – попытался ее успокоить, – Трапезы сближают людей.

– Вам хорошо, Анатолий Афанасьевич. А мне придется переводить... Серджи за столом рта не закрывает. Ест и говорит одновременно. А я всегда из-за стола встаю голодной, – пожаловалась «переводчица».

– Учтем, – пообещал ей...

Первым рейсом отправили Людмилу, Серова и меня. Минут через пять мы уже были в ресторане, а минут через десять здесь же оказался весь коллектив.

– Это закрытый ресторан, – объявил Коробкин, – Сюда пускают не всех. Что-то вроде клуба. На выходе вам тоже дадут клубные карточки, и вы сможете ходить сюда, когда захотите, – пояснил он.

Помещение ресторана выглядело весьма презентабельным. Во всяком случае, в подобном заведении я оказался впервые. С интересом оглядывали интерьер и наши гости, удовлетворенно кивая головами.

Налетевшая толпа официантов мгновенно сервировала стол и застыла в ожидании заказа, а уже минут через пять Сергей Львович произнес первый тост.

Конечно же, в центре внимания компании вскоре оказался неподражаемый Серджи. Он буквально заряжал всех своей энергией и оптимизмом. И Ларисе действительно приходилось нелегко. Пока она переводила, Серджи быстро-быстро ел, набираясь сил. Но едва она замолкала, он тут же клал вилку и включал свой речевой пулемет. Лариса слушала и запоминала сказанное с тем, чтобы через минуту пересказать все это нам по-русски. Какая уж тут еда!

– Анатолий Афанасьевич, обратите внимание, как красиво ест Серджи, – с восторгом шепнул Коробкин, – Очень профессионально.

Через час мы все уже были друзьями. Наши дамы завели свой разговор о модах, а мы вчетвером принялись обсуждать деловые проблемы. Как же пригодился опыт общения с Серджи без помощи Ларисы. Его плохой русский и мой никакой итальянский вынуждал нас время от времени все же привлекать нашу переводчицу, но в основном обходились без нее. Ведь речь шла о технике, а эту тему мы с Серджи обсуждали не раз.

Наконец, подали кофе и мороженое. Обед близился к завершению.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич, выручили, – улыбнулась Лариса, – Кстати, Серджи сказал, что ресторан замечательный. А он знает в этом толк. Как ни как, по всему миру поездил, – сказала она. Серджи, похоже, понял ее слова и тут же подсел ко мне:

– Пэрфэтто, Анатолий. Хороший ресторантэ. Мне нравится. Как Италия, – похвалил он и как всегда попросил пригласить хозяина и повара.

– Наш хозяин итальянец. Его нет, он в Италии, – сказал официант, – Повар тоже итальянец. Сейчас приглашу, но он не понимает по-русски.

– Приглашай, – махнул рукой Серджи, смахивая рукой слезы от охватившего его приступа безудержного смеха, – Все понятно, Анатолий. Итальянский кухня лучше в мире, – радовался он как ребенок сделанному им открытию...

С того дня события замелькали, как в калейдоскопе. Уже на следующий день позвонил Пискунов и попросил срочно приехать в Порохово. Пришлось снова обращаться к Гарбузову. Очень не хотелось терять столько времени на поездку в холодной электричке.

Пока ехали, Сергей сообщил, что Гарбер не хочет его отпускать. Предложил увеличить оклад до шестисот долларов, лишь бы не уходил.

– Ну, а ты? – спросил его.

– Что я? Сказал, все равно уйду. Шестьсот и две тысячи разница большая. Да и надоело баранку крутить. Хочется головой поработать. Я, правда, не знаю ничего. Но уж очень хочется, – ответил он.

– Ну, и когда к нам перейдешь?

– Гарбер сказал, отпустит не раньше, чем через два месяца. Один уже прошел. Так что, Толя, жди меня только через месяц, – с огорчением сообщил он...

– Знакомься, Анатолий. Ашот Петросян, – представил Пискунов молодого человека, который когда-то показывал нам недостроенные цеха в Пучково.

– А мы уже знакомы, – пожал я руку Петросяну.

– Точно, – тут же вспомнил тот меня, – Вы приезжали в Пучково, – уточнил он.

Выяснилось, он недавно стал генеральным директором строительной компании, которая строила те цеха.

– Я посмотрел ваши чертежи, Анатолий Афанасьевич. Мы готовы строить такие фундаменты хоть сейчас, – заявил новоиспеченный директор.

– Хоть сейчас не надо, – ответил ему, – Я хотел бы провести тендер и поручить строительство победителю.

– Что ты выдумал?! Какой тендер? Какой победитель? Кто постороннему разрешит здесь строить? – врезался в разговор Пискунов.

– Не понял, Владимир Александрович... Зачем же меня пригласили, если вы уже приняли за меня все решения?

– Чтобы ты убедил дурака Коробкина... А решение не я, а братва приняла. Другим она в Порохово строить не даст.

– Как это не даст? Что, значит, не даст? – возмутился я.

– То и значит... Тебе что, взрывы на заводе нужны?

– Какие взрывы?.. А ты здесь зачем, Пискунов?.. Твое же добро будут взрывать!

– Это не я решаю.

– А что ты тогда решаешь?.. Может, и прибылью будем с ними делиться?

– А как же!.. Десять процентов, – огорошил Пискунов.

– Ничего себе!

– А ты как думал?.. Ментуру пригласишь, те пятнадцать запросят. Я их расценки знаю, – блефовал Пискунов.

– Вот и отдашь свои, раз не умеешь противостоять, – заявил ему.

– Хрен вам свои! Все будем платить... И не шути с этим, Толик, а то можешь однажды домой не доехать.

– Даже так?

– А ты как думал?

– Ну, спасибо, благодетель. Втянул ты меня в Пороховскую авантюру. Век не забуду... Будем решать с Коробкиным, как жить дальше.

– Не вздумай Коробкину ляпнуть. Мы с тобой будем решать. Его дело деньги платить.

– Ну, ты и гусь, Вова!

– Не называй меня Вовой! В последний раз предупреждаю! – взорвался кум.

– Извините, Владимир Александрович, само вырвалось, но при таком базаре без кликухи нельзя, – ироническим тоном извинился я...

– Анатолий Афанасьевич, а в чем проблема? – снова включился в разговор Петросян, – Мы не против здоровой конкуренции. Уверен, москвичи с вас запросят в два раза больше.

– Почему это?

– А как же... У нас свой бетонный завод. А им придется возить из Москвы. Здесь им никто ничего не даст... Арматура у нас на все ваши фундаменты куплена еще по старым ценам. Давно лежит без дела. Теперь сгодится... Да и наши рабочие дешевле, чем московские, – грамотно убеждал он.

– Хорошо. Давайте ваши предложения в письменном виде, – согласился я.

– Давно бы так, – радостно засуетился кум, – Может, по рюмочке?

– По рюмочке, когда договор подпишем, – решительно отказался я.

– Согласен, – поддержал Петросян и удовлетворенный встречей откланялся...

– Зря ты при нем такой разговор затеял, – пожурил Пискунов, словно ничего не случилось, – Непременно братве доложит.

– Пусть докладывает.

– Напрасно ты так... Ладно, пойдем, пройдемся по территории. Посмотришь, что мы тут наворотили, – предложил кум, – Кстати, примерь эту куртку, – достал он из шкафа нечто светло-серое с капюшоном.

– Ничего, я и так не замерзну. Привык уже.

– Ты все-таки примерь, Анатолий, – настаивал он.

Я надел «обнову». Легкая куртка из синтетики с утеплителем была, конечно, гораздо теплее моей. Лишь устаревший фасон с нелепым капюшоном, да дыры во всех карманах испортили впечатление.

– Ну, как? – спросил, оглядывая меня, кум.

– С кого сняли? – пошутил я.

– Не бойся. Моя. На дачу в ней ездил, пока директором ни стал, – с гордостью ответил он, – Бери. Дарю... Обещал одеть, значит, надо исполнять обещания. Слово офицера закон.

– Спасибо, – сказал ему, понимая, что мне не отвертеться от такого «драгоценного» подарка, окропленного святыми понятиями об офицерской чести. Да и должно же, в конце концов, хоть что-то меняться в моей жизни к лучшему...

Мы прошли в главный цех. Действительно наворотили – цех был пуст.

– Вот видишь, все готово к началу строительных работ, – отрапортовал деловой кум.

– А куда оборудование дели? – спросил его, вспомнив кучу ступеней для монтажа изделий из алюминиевого профиля.

– Пойдем, покажу, – ответил директор, и мы прошли в два других цеха, соединенных проходом. Там тоже были перемены: в одном увидел знакомые ступени, а другой был пуст, – В этот поставим итальянское оборудование. Гарбер обещал профинансировать. Будем делать рамы из импортного профиля.

– А куда дели ремонтное оборудование?

– Сейчас покажу, – повел меня Пискунов в какой-то закуток, – Вот все, что осталось, – показал он на маленький станочек и кучу какого-то электротехнического хлама.

– А где оборудование целого цеха?

– А зачем оно? У нас всего два-три заказа в месяц. Сдали в металлолом.

– По-хозяйски, – в шутку одобрил я.

Не знаю, заметил Пискунов мой иронический тон, или нет, но то, что он продемонстрировал в конце нашей экскурсии по заводу, иначе, чем процедурой запугивания, ни назовешь.

– Идем, покажу тебе одно интересное место, – повел Пискунов в заброшенный уголок завода, – Представляешь, Юрка хранит продукты в обычных холодильниках. Сколько же их надо для его кафе... А я немного покумекал и вспомнил, что продукты для столовой хранили в каком-то хранилище... Поспрашивал старых рабочих. Привели сюда, – показал он на вход в обвалованное землей сооружение, типа бункер.

Через массивную стальную дверь мы вошли в огромный погреб. Вдоль одной стены стояли пустые стеллажи, а вдоль другой под потолком висели крючья для подвески туш.

– Нравится? – с садистской улыбкой спросил кум.

– Хороший погребок, – без задней мысли ответил ему.

– А представляешь, если запереть здесь кого-нибудь без света? Или подвесить на крючьях?.. Интересно, долго он продержится, если будет знать, что на заводе его никто искать не будет?.. Как думаешь, Толик? – задал он вопросы, от которых вдруг стало не по себе.

«Этот убьет кого угодно, глазом не моргнет», – снова припомнились слова Гусева.

– Никак, – ответил ему, – У меня профиль деятельности другой.

– У тебя да... А вот ребята недавно сюда привозили двоих. Только показали эти крючья, сразу все документы подписали.

– Это, Вова, ты маху дал... Рассекретил объект... Теперь наверняка информация пойдет по вашей деревне, а то и по всему району... Некорректно сработали ребята, не профессионально, – пожурил его.

Кум задумался...

Глянув на мою «обновку», Коробкин отвернулся, чтобы спрятать насмешливую улыбку, но все же не удержался:

– У вас новая куртка, Анатолий Афанасьевич?

– Пискунов подарил. Сдержал-таки слово офицера.

– Понял, – тут же закрыл тему Сергей Львович, – Анатолий Афанасьевич, смету расходов на декабрь составьте с учетом выплаты окладов тем, кто будет работать.

– Хорошо, Сергей Львович, – обрадовался я, – Сегодня же представлю.

– И еще, Анатолий Афанасьевич... Серджо пригласил нас с женой посетить их завод...

Так что на днях мы на недельку улетим в Италию. Будем первыми ласточками... А уж за нами вы.

– Вряд ли, Сергей Львович... Я еще четыре года невыездной.

– Допуск? – понимающе спросил он. Я кивнул, – Жаль, – посочувствовал он...

В пятницу Коробкин не улетел, как обычно, в свой Питер, потому что в субботу должен был лететь в Венецию.

– С Ларисой летите? – спросил его.

– Почему с Ларисой? – удивился Коробкин, – С женой. А что, Лариса тоже завтра летит?

– Да... Звонила вчера... Правда, летит не напрямую, а через Мюнхен.

– Что же она не позвонила? Полетели бы вместе, – огорчился он...

В субботу около часа ночи разбудил звонок Коробкина:

– В чем дело, Анатолий Афанасьевич? Почему меня не встретили? Свяжитесь с Серджо. Пусть немедленно примет меры, – распорядился он.

Позвонил на домашний номер Серджо и сообщил Ларисе о звонке Коробкина.

– Здесь такой туман, Анатолий Афанасьевич. Когда мы с Серджо подъезжали к Кастельфранко, встретили заводской микроавтобус. Он ехал в аэропорт за Коробкиным. Похоже, не доехал. Трассу могли закрыть из-за тумана, – сообщила свою версию Лариса.

– А как узнать, доехал он или нет? Может, позвоните на «Симек»?

– «Симек» закрыт, Анатолий Афанасьевич. До понедельника ничего не узнаешь.

– Что же делать? Что сообщить Коробкину?

– Пусть ждет. Как только откроют трассу, водитель приедет, – передала Лариса совет Серджо...

Едва переговорил с Ларисой, снова позвонил Коробкин:

– Где транспорт, Анатолий Афанасьевич? Что сказал Серджо?

- Сказал, транспорт выехал. Доехать не может из-за тумана. Вам остается только ждать.
- Чего ждать? Здесь, похоже, аэропорт на ночь закрывают... Куда нам с женой деваться?..

Ларису Серджи встретил, а нас, значит, не удосужился. Нехорошо так с клиентами поступать... Что мне делать, Анатолий Афанасьевич?

– Сергей Львович, поступайте по обстоятельствам. Я не могу из Москвы дать вам совет. Я там никогда не был. Серджи в курсе. Могу дать его телефон. Звоните ему.

– Есть у меня его телефон. Я не знаю, как отсюда ему звонить... Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Устроюсь, позвоню, – принял решение Коробкин...

Едва уснул, снова разбудил телефон:

– Анатолий Афанасьевич, я в Гориции, в местной гостинице. Хорошо, летчики довели... А так представляете, аэропорт закрыли. Ни машин, ни людей. Кошмар... В общем, пусть Серджи забирает меня отсюда. Жду до двенадцати, а потом улетаю в Москву, – сказал Коробкин и отключился.

Посмотрел на часы – четыре утра. Решил, что Ларисе позвоню часов в девять. В Италии будет только семь утра.

Спать не хотелось, и я представил себя на месте Коробкина. У него уже есть опыт зарубежных поездок. А главное – деньги. Добраться до ближайшей гостиницы, как выяснилось, не проблема. Можно и до понедельника подождать, а потом приехать прямо на предприятие. Да и Серджи скоро узнает, где он. По крайней мере, с ним свяжется. А то выдумал, сразу улететь в Москву. Нет, я бы не беспокоил людей – сам бы решил свои проблемы...

Утром позвонил Ларисе.

– В Гориции? – удивилась она, – Как он там оказался?

– Откуда я знаю. А это далеко от вас?

– Километров двести. Где-то между Удиной и Триестом. Серджи говорит, сейчас выезжаем, – успокоила она.

В тот день больше звонков не было...

В понедельник позвонила Лариса и рассказала, что произошло. Оказалось, из-за тумана самолет приземлился на запасном аэродроме в Гориции. Всех пассажиров рейса автобусами отправили в Венецию. В это время Коробкин, полагая, что находится в Венеции, тщетно разыскивал встречающих. А когда аэропорт обезлюдел, запаниковал и начал названивать в Москву...

А ведь встречавший его водитель «Симека» все-таки дождался пассажиров московского рейса и уехал, лишь убедившись, что Коробкина среди них нет. В общем, Коробкин признал, что сам виноват – надо было слушать объявления...

Через неделю он появился, переполненный яркими впечатлениями от удачной деловой поездки.

– Ну, Анатолий Афанасьевич, видел нашего Серджи в его родной среде обитания... Это нечто... Это действительно надо видеть, – восторженно рассказывал Коробкин, – Все организовал, как надо... Поселил в лучшую гостиницу Кастельфранко. Завтрак – шведский стол. Обеды и ужины в ресторанах. Из каждого удалось по сувениру прихватить. По ним можно сосчитать, сколько обошли.

– Что за сувениры? – спросил его, не поняв, почему их надо прихватывать.

– Да так, пепельницы, – пояснил он, – Я их коллекционирую, Анатолий Афанасьевич... Беру в каждом ресторане, где бываю... Очень интересные экземпляры попадаются, и почти все с символикой ресторана... Пробовал покупать, просил включить в счет. Не продают. Вот и приходится так брать... Серджи сперва удивился, зачем мне пепельницы, но потом понял страсть коллекционера... Пару пепельниц сам притащил, договорился с кем-то... А Серджи водку коллекционирует. Показал свою коллекцию. Теперь хоть знаю, что ему презентовать.

– Серджи водку? – удивился я, – Наверно в той коллекции одни пустые бутылки.

– Не скажите, Анатолий Афанасьевич. Я тоже отметил, что любит Серджи водочку, но коллекцию содержит по всем правилам. Есть початые бутылки-дубликаты. Из них дает попробовать, но основные так и стоят нераспечатанными.

– А на заводах бывали, Сергей Львович?

– А как же!.. Для начала нас провели по «Симеку»... Мощное производство... Чистенько, аккуратненько, красиво... А потом Серджи повозил нас по камнеобрабатывающим предприятиям... Были даже в Вероне... Очень понравилось... Оборудование работает, как часы... Жене особенно понравилось, где камень режут алмазными дисками. Она полчаса оторваться не могла... А Серджи сказал, что мы такие станки не покупаем... Почему, Анатолий Афанасьевич?

– Время не пришло. Купим на втором этапе.

– Понял... Но купить надо обязательно. Уж раз женщине понравилось, значит, нормальное оборудование, – заключил Коробкин, – И еще, Анатолий Афанасьевич, с первого декабря приступайте к работе, как положено. Занимайте офис и работайте.

– Да там ничего нет. Одни стены. И кому работать?

– Мебель и оргтехнику включите в смету. А людей надо набирать. У вас же вроде есть кандидаты.

– Есть, но их пока не отпускают с прежнего места работы.

– Это хорошо... Значит, ценят... Кстати, Анатолий Афанасьевич, Серов будет работать с вами. Подберите ему должностенку какую-нибудь. Он у меня таможеней занимался. Неплохо занимался.

– А разве он не ваш партнер?

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич, – рассмеялся Коробкин...

Позвонил своему однокашнику по училищу – Гаппарычу, как мы его всегда называли:

– Саша, надо встретиться. Ты вроде искал работу. Могу предложить.

– Что ты, Толик? Какая теперь работа. Мне операцию сделали на щитовидке. Только проблемы создам... Слушай, позвони Пете Котельникову. Вот он действительно на мели. Две дочери-школьницы и жена не работает. Сидят на его пенсии... Дать телефон?

Вечером позвонил Котельникову и договорился о встрече. Но уже по разговору было понятно, что Петр готов работать на любой должности, а оклад в пятьсот долларов предел его мечтаний.

Позвонил Комарову, нисколько не сомневаясь, что снова будем работать вместе. Его ответ поразил:

– Толя, я готов с тобой работать, но мои условия такие: должность твоего заместителя и оклад не менее трех тысяч долларов.

– А две тебя не устроят?

– Нет, – ответил человек, с которым мы месяцами работали на одном энтузиазме. Удивительная трансформация...

Встретился с Котельниковым, и первого декабря мы с ним впервые вошли в пустое помещение нашего будущего офиса с тем, чтобы начать работать.

– Будешь помощником генерального директора, – определил его должность.

– А генеральный директор, я так понял, это ты? – спросил Петр.

– Так точно.

– С тобой хоть кем, – ответил он, – Командуйте, гражданин начальник.

– Товарищ начальник, – поправил его, – «Гражданин» еще рано.

Мы рассмеялись...

В тот же день неожиданно вошел Пискунов. Приезжал он, разумеется, к Коробкину. Зачем, не сказал. Но Коробкина не было, а Марина сообщила ему, где теперь можно найти нас.

– Так-так, – деловито оглядел помещение кум, – А где мебель?

– В магазине, – ответил ему.

– Так, Толик. Давай деньги, я тебе завтра подвезу. Подберу что-нибудь у нас на складе.

– Спасибо, Вова, не надо... Твоя куртка очень понравилась Татьяне.

– Правда? – удивился Пискунов.

– А то... Целый вечер зашивала. А после стирки стала совсем как новенькая. Можешь посмотреть, – махнул рукой в сторону широкого подоконника, служившего нам столом и вешалкой, – Кстати, можешь получить зарплату на себя и Олега.

– Правда? – обрадовался кум, получая деньги, – А почему Олегу так мало? – пересчитав, спросил он.

– Пятьсот мало? – удивился я, – Оклад помощника. Сам утверждал.

– А этот прыщ, что у тебя делает? – кивнул он в сторону Котельникова.

– Мой помощник.

– А у него какой оклад?

– Пятьсот... Вот ему, считаю, мало. Он, как и ты, подполковник в отставке. Правда, с высшим образованием, – специально подчеркнул я, – Да еще неработающая жена и две дочери-школьницы.

– Ладно-ладно, – успокоился кум, – А моей Татьяне?.. Она же у тебя бухгалтер.

– Приступит к работе с января.

– А денег на расходы дашь? – совсем обнаглел Пискунов.

– Не дам... Нет у тебя расходов по нашей части, – твердо ответил ему. Кум тут же собрался и вышел...

Получив первую зарплату, загорелся желанием модернизировать свой домашний компьютер. Заменяв материнскую плату, процессор и существенно увеличив память, за небольшие деньги скомпоновал на порядок более совершенную машину. А главное – перестал бояться компьютерного «железа»...

Уже через неделю помещение приобрело офисный вид. Под руководством Котельникова его разгородили так, что образовалась прихожая, общая комната и директорский кабинет. Появилась и мебель, которую мы за пару дней собрали вдвоем.

Заглянув к нам на минутку, переселился из тесного предбанника Коробкина и сам Серов. А на следующий день я привез Светланку. Мы быстро обживались...

Предложил Коробкину не покупать компьютеры, а собрать их из комплектующих.

– Да вы что, Анатолий Афанасьевич? – удивился Сергей Львович моему предложению, – Это же каторжный труд.

– За день все соберу и отлажу, – пообещал ему.

– Да вы что?.. А работать хоть будут?

– Еще как!.. А вы думаете их «Ай Би Эм» собирают? В подсобках магазинов их собирают, из тех же комплектующих.

– Да вы что?! – в очередной раз удивился Коробкин.

Пришлось показать журнальную статью. Ознакомившись с ней, он тут же дал добро.

Уже к вечеру того же дня запустил первый компьютер. Наблюдавший за процессом сборки Серов тут же умчался на третий этаж.

– Ну-ка, ну-ка, – вскоре вошел улыбающийся Сергей Львович, – Неужели работает?

– Как зверь, – ответил ему, – А стоит в полтора раза дешевле магазинного.

– Делайте остальные, – понаблюдав за экраном, распорядился Коробкин...

В середине января позвонил Айдаков:

– Анатолий Афанасьевич, вы не забыли, что в этом году у вас первый лизинговый платеж? С него все начинается.

– Не забыл, Анатолий Павлович. Вот только с гарантией «Уникомбанка» проблема. Область решение приняла, а банк тянет с кредитным комитетом.

– Думаю, это не проблема. Направьте Пельману копию решения областной администрации. Банк, я так понимаю, им подчинен?

– Подчинен. Вице-губернатор Власов председатель правления банка.

– Ну, вот. Если еще и от него бумажку пришлете на банковском бланке, считайте, полный порядок... Жду сообщений, Анатолий Афанасьевич, – попрощался он...

Спустился к Коробкину. Объяснил ситуацию.

– Отправляйте, Анатолий Афанасьевич, – принял решение инвестор, – Кстати, попросите Светлану зайти ко мне, – удивил он неожиданной просьбой...

– Папа, иди, что покажу, – подозвала к своему столику дочь, – Три тысячи долларов, – шепотом объявила она, продемонстрировав деньги.

– Это что такое? – не понял я.

– Сергей Львович дал поручение.

– Что за поручение?

– Одеть тебя с иголки... Сам он, говорит, не оденется, а ты уж постарайся, чтобы наш директор выглядел достойно. В общем, завтра у нас с тобой выходной, а послезавтра ты должен быть при параде, – рассказала Светланка...

Поручение дочь выполнила так, что на несколько лет у меня полностью отпали проблемы с одеждой. Теперь она была на все случаи жизни.

– О-о-о!.. Костюмчик приобрел, – насмешливо глянул Пискунов. Он вошел, скрипя, как хромовые сапоги. Глянул и чуть ни умер от смеха – передо мной стоял типичный колхозник с рынка с той лишь разницей, что новенькая дубленка была явно из синтетических материалов. Во всяком случае, производила такое впечатление, – Нравится? – гордо смотрел на меня обладатель чуда местной швейной промышленности.

– Теплая? – спросил вместо ответа, очень сомневаясь в способности подобных изделий хранить тепло.

– Как печка, – бодро ответил кум, – И недорого. Всего двести долларов, – явно завысил он цену.

– Всего двести? – переспросил его.

– Могу достать. У нас их подпольно производят... Не всякому еще продадут. Сто долларов сверху, и дубленка твоя. Ну что, достать?

– Стоит ли. Что-то мех у нее подозрительный. Искусственный?

– А какой же за такие деньги?.. Смотри ты! Купил костюм и возгордился. Ну, покажи хоть.

– Это не костюм, а пиджак.

– Импортный? – удивился кум, увидев лейблы с фирменной символикой.

– Английский.

– Брось, Толик... Китайский?

– Китайский бы не купил.

– Не буду спорить... А брюки покажи, – попросил он. Я встал. Брюки мне не нравились, но все приличные повсюду были лишь одного покроя «а ля Кавказ», – Вот это шик! – одобрил Пискунов, – Шерсть? – потрогал он.

– Чистая.

– Да-а-а... К такой одежде и мою дубленку, – мечтательно произнес кум, – Заказать?

– Не надо. У меня есть теплая куртка. Вон висит, – показал на вешалку.

Пискунов взглянул, ожидая, очевидно, увидеть свой подарок, но то, что увидел, заставило медленно присесть на стул. Благо, оказался рядом. А я впервые увидел, что может сделать с человеком зависть. Кум едва ни плакал от смертельной обиды:

– Она же на натуральном меху... И кожа натуральная... А качество, – огорченно констатировал он, – У нас таких не делают, – наконец с досадой махнул рукой.

– Германия, – назвал я страну происхождения.

– Сколько стоит? – расплющился он на стуле, обливаясь потом в своей подделке.

– Чуть больше пятисот.

– А деньги где взял?! – вдруг резко выпрямился кум, не поднимаясь со стула.

– Зарплату получил, – спокойно ответил ему.

Пискунов вдруг встал и, не поднимая головы, вышел. Дней десять он у нас не появлялся и даже не звонил...

В двадцатых числах декабря перечислил фирме «Romates» первый лизинговый взнос и отправил письмо банка, подтверждающее готовность выдать нам необходимую гарантию. Копии документов направил и на «Симек»... Лед тронулся...

Буквально в канун новогодних праздников явился мрачный как туча Пискунов:

– Поговорить надо. Давай выйдем, – вызвал он меня в коридор, – Не знаю, что делать, но я не могу вернуть долг в срок, – огорошил он.

– Какой долг? Кому? – спросил его.

– Сто тысяч долларов на развитие предприятия. Мы с тобой брали у Коробкина. У фирмы «Невпроект», – напомнил он.

– Не мы брали, Вова, а ты брал... Я тех денег в глаза не видел... Кстати, насколько помню, ты брал под слово офицера. Обещал вернуть до конца этого года.

– Ты не увиливай, Толя. Отвечать будем вместе... Ты видел, на что деньги пошли.

– Не путай, Вова, одно с другим. Видеть и брать не одно и то же. Ты брал, насколько помню, ссылаясь на большой заказ.

– Да ты что, не понимаешь, это же прикрытие!.. Иначе Коробкин не дал бы денег.

– Вова, ответь честно, где деньги? – спокойно спросил его, осознав, наконец, что сто тысяч долларов бесследно исчезли из нашего проекта. Их, похоже, уже не вернуть.

– А ты думаешь, на какие средства я освобождал цех и переносил производство?! – взорвался Пискунов.

– Вова, ты дурак, или прикидываешься? Ты взял деньги с одной целью, а истратил на другую. Это называется нецелевым использованием. Это должностное преступление!

– Какое преступление? Я что, их украл?

– Не знаю.

– В общем, так, Толик. Если ты меня не поддержишь, я выхожу из программы и не позволю ничего делать на заводе. Понял? Ты этого хочешь?

– Знаешь, Вова, я уже ничего не хочу. Делай, что хочешь, но без меня.

– Ладно, пошли к Коробкину. Там видно будет.

Выслушав Пискунова, Коробкин некоторое время не мог произнести ни слова. Он тяжело дышал, а его лицо постепенно покрылось красными пятнами.

Наконец он заговорил. Сначала тихо и медленно, четко выговаривая каждое слово. Но, приходя в себя, перешел на крик.

– Владимир Александрович, как это понимать?.. В канун Нового года, всего за два рабочих дня до окончания отчетного периода, вы вдруг заявляете, что не можете возратить ваш долг в срок... В какое положение вы меня ставите?.. Где я возьму сто тысяч долларов, чтобы

закрывать этот вопрос?.. Были бы в договоре штрафные санкции, черт с вами!.. Но вы убедили не включать их в договор!.. Вы давали слово офицера, Владимир Александрович!.. Я вам поверил!.. И что теперь?! – вопрос за вопросом задавал возмущенный Коробкин.

– Сергей Львович, мы тут посоветовались и решили дать вам компенсацию, – ележным голосом осторожно перебил его Пискунов.

– Какую компенсацию?! – мгновенно взорвался инвестор, – Причем здесь Анатолий Афанасьевич?! Он у меня денег не брал. Вы брали, Владимир Александрович!.. Где деньги?!

– У меня их нет, Сергей Львович, – развел руками Пискунов.

– Вижу... Когда будут?

– Они истрачены на дело... Вернуть невозможно... Анатолий Афанасьевич видел, на что истрачены.

– Владимир Александрович, повторяю вопрос... Где деньги, которые вы мне должны?

– Денег нет... Предлагаю компенсацию: пятнадцать процентов доли.

– Какой доли?.. Как с вами можно работать, если вы не возвращаете долги?.. Да мой партнер, как только узнает, тут же выйдет из дела, и никаких долей вообще не будет... Где деньги, Владимир Александрович?

– Нет денег... Есть наши с Зарецким доли... Готовы уступить за долг, – выдал Пискунов предложение, которое даже не удосужился согласовать со мной.

Возмущаться было бесполезно, потому что казалось, рушилось все дело, созданное с таким трудом. И снова по вине этого нечистоплотного партнера.

– Никогда больше не поверю в слово офицера, – с каким-то отчаянием махнул рукой Коробкин, – Ладно, попробую погасить скандал. Если получится, поговорим об изменении долей... А пока я очень огорчен, Владимир Александрович... И это в канун Нового года... До свидания, господа, – не глядя на нас, попрощался он...

– Ишь, какой ферзь нашелся. Решать он будет, – с улыбкой победителя шел Пискунов по коридору, – С кем решать?.. Фирмочка «Невпроект» закрыта... Ничего он мне не сделает, – искренне радовался мерзавец.

А я шел рядом и так хотелось расплющить, раздавить эту гадину, поправшую все, включая неписанные законы долга и чести.

Глава 26. Банковская гарантия

– Как вам это нравится, Анатолий Афанасьевич? – вызвал Коробкин через час после скандального известия Пискунова.

– Мне это совсем не нравится, Сергей Львович... Более того, мне кажется, это не последняя его выходка, – мрачным тоном высказал свои соображения.

– Как вы думайте, Анатолий Афанасьевич, можно на него как-то воздействовать, или он совсем неуправляемый?

– Мне кажется, только через Гарбера. Хотя, как знать, похоже, этот тип и его «обувает».

– Тогда после праздников давайте встретимся с Гарбером без Пискунова.

– Нет проблем.

– И еще, Анатолий Афанасьевич, подготовьте смету на январь. Мы ее утвердим, а деньги получите после праздников у моих ребят. Я вернусь где-то во второй половине января. Тогда и решим, как наказать Пискунова. Кстати, вы видели, что он там сделал?

– Видел... На мой взгляд, там работы не больше, чем тысяч на тридцать... Наш цех теперь полностью свободен. Все стапели перенесены в цех меньшей площади. В нем и в смежном цеху сделан косметический ремонт. Только нам от этого, какой прок. Те площади мы не арендуем.

– Интересно, а где же остальные деньги? Семьдесят тысяч все-таки.

– Насколько понял, он хочет купить какое-то итальянское оборудование именно такой стоимости. Сказал, Гарбер профинансировал. Думаю, это не так, – сделал я вполне правдоподобное предположение. Коробкин с ним согласился...

Начало года запомнилось очередным демаршем Пискунова. Он приехал за январской получкой без всякого предупреждения, думая, очевидно, что Коробкин выдал мне деньги еще в старом году.

– Денег нет, – ответил на его вопрос по этому поводу.

– Я что, зря сюда ехал? – возмутился кум, – Почему это денег нет?

– Не выдали.

– А как же тогда работать? Когда этот Коробкин приедет? Вот акула капитализма, хапнул денежки и отдыхает. А тут работай на него задаром.

– Схожу на третий этаж, узнаю, – решил я прозондировать почву.

– Пойдем вместе, – увязался за мной Пискунов.

Едва вошли в офис Коробкина, кто-то из его брокеров тут же открыл сейф, достал оттуда пачку долларов и отдал мне:

– Здесь двадцать тысяч, Анатолий Афанасьевич.

– А где еще двадцать? – спросил его.

– Больше нет. Будут в следующем месяце, – ответил брокер.

– Как это в следующем месяце?! – взвился Пискунов, – Немедленно свяжите меня с Коробкиным! Ну, я его сейчас взгрею! – бушевал директор.

– Он спит. В Америке ночь, – попробовал сгладить ситуацию брокер.

– Какая разница! Я круглосуточно работаю... Будите. Не барин, – настаивал Пискунов.

Брокер набрал номер и передал трубку Пискунову.

– Сергей Львович, почему деньги выданы не в полном объеме? – сходу налетел тот на поднятого с постели инвестора, – Это Пискунов... Здравствуйте, Сергей Львович... Я не знал, что вы днем спите... В Америке ночь?! Надо же! Кто бы мог подумать... Ну, извините-извините, Сергей Львович. Виноват... Да я же говорил вам, что мне нечем отдавать. Нет у меня денег... У вас должны быть. Вы капиталист... А как нам работать без денег?.. Понял... Он здесь... Передам, Сергей Львович. До свидания вам, – вернул он трубку брокеру.

Мы вышли из офиса.

– Вот сволочь! – выругался Пискунов, – Верни, говорит, мои деньги, тогда будет что давать... Что у него, Толик, денег нет?.. Не поверю... В общем, передал, чтобы влезли в смету за счет сокращения зарплаты... Ты как хочешь, а меня это не устраивает... Мне, Олегу и Татьяне выдай все в полном объеме, – приказным тоном заявил он.

Кум говорил что-то еще, но я его уже не слушал. Я прикидывал, как уложиться в смету. Если вместо месячного оклада выдать тридцатипроцентный аванс, вполне можно обойтись двадцатью тысячами, решил я. Мы добрались до нашего офиса. Положил перед Пискуновым утвержденный нами документ:

– Посмотри, что тут можно сократить? – попросил его.

– Да тут действительно ничего не выбросишь, – убедился Пискунов, – Но меня это не волнует, Толик. Давай наши денежки полностью, – решительно протянул он руку.

Я отсчитал ему две тысячи семьсот:

– Вот твоя зарплата за январь.

– А Олега и Татьяны?

– Олег пусть приедет и получит аванс сам, а Татьяне передай, что мы примем ее не раньше февраля, потому что в январе ей платить нечем.

– Да ты что?! – возмутился кум.

– Другого выхода у меня нет, Вова. Ты же отказался пойти навстречу.

– Ну, Толик, я тебе этого никогда не забуду, – подскочил Пискунов и стремительно ринулся к выходу.

– Не забывай! – крикнул ему вслед...

После новогодних каникул активизировался «Уникомбанк», и вскоре стал ездить туда, как на работу. Папка нашего дела пухла и пухла, а от меня требовали все новых и новых документов.

– Игорь Григорьевич, как я могу предоставить контракты на поставки нашей продукции, если завода по ее производству еще нет? – спросил Волошина.

– Заключите предварительные контракты, – пояснил он.

– Да со мной никто разговаривать не станет, пока ни предъявлю образец. По своему опыту знаю. Да и нет такого документа «Предварительный контракт».

– Договаривайтесь, как хотите, но документы должны быть, – настаивал он, – Вот, смотрите, – открыл он сейф, – Видите, какие толстые папки должны быть... Вот когда ваша такой же будет, тогда можно и на комитет, – заключил он.

Очень помог Сычев, выдав справку на бланке отраслевого института, которая полностью подтверждала данные бизнес-плана. Откликнулся и Серджи, прислав проекты контрактов с итальянскими фирмами.

– Анатолий, фирма покупать твой камень не надо... Это нонсенс... Италия сам делать камень... Твой контракт не есть твердый контракт, – пояснил он в телефонном разговоре.

– Я знаю, Серджи... Спасибо, – поблагодарил его...

И вот настал день, когда Волошин зачитал свое заключение о проекте.

– Все, Анатолий Афанасьевич, на следующей неделе комитет, – обрадовал он.

– Ура! – закричала секретарь Любовь Николаевна, которая изначально сочувствовала мне и всегда помогала, чем могла. Сколько времени сэкономила, печатая бесчисленные справки и делая ксерокопии документов. Ее ругали за это, а она все равно печатала и перепечатывала. Я тут же подписывал те бумажки, ставил печать, и они мгновенно занимали свое место в необъятной папке Волошина...

А ларчик просто открывался – Любовь Николаевна была родом из Харьковской области, а ее родители до сих пор жили в пригороде нашего родного города. И в ожидании начальства, мы нередко вспоминали памятные места детства и юности, где когда-то кипела наша жизнь...

О дате и времени заседания комитета Пискунов узнал раньше меня.

– Узнал, кто звонит?.. То-то... Почему сам не звонишь? – раздался в трубке его голос, который уже не переносил.

– Нет новостей, потому и не звоню, – ответил ему.

– Как так нет? – возмутился кум, – А комитет?

– Какой комитет?

– Что ты придумываешься, Толик? Скажи, что не хочешь меня там видеть.

– Что ты выдумываешь, Вова? Честное слово, ничего не знаю.

– Да?.. Заседание завтра в пятнадцать ноль-ноль. И ты не знаешь?

– Не знаю.

– Завтра в двенадцать будь в банке. Надо встретиться с одним человечком... Коробкин прилетел?

– Нет еще... А что за человечек?

– Не по телефону, – как обычно «засекретился» Пискунов...

С утра позвонил Волошину и спросил, почему он не предупредил о предстоящем заседании.

– А зачем, Анатолий Афанасьевич?.. Ваше присутствие не требуется, а лишние волнения вам ни к чему. Результаты узнали бы завтра, – пояснил Игорь Григорьевич...

Что ж, придется поволноваться. И я отправился в банк на встречу с «человечком» Пискунова.

Этим «человечком» оказался некто Егиазарян, заместитель председателя правления банка. Мы вошли в роскошную приемную, и Пискунов тут же прошептал что-то молоденькой секретарше. Та сразу поднялась и прошла в кабинет.

– Ашот Геворкович вас сейчас примет, – объявила она, вернувшись...

Как и на приеме у Власова, Пискунов, оттеснив меня, вошел в кабинет первым. Пусть идет, решил я. Мне не о чем было говорить с тем человеком – Пискунов не посвятил в свои планы, а иных у меня не было. Зато, войдя в тени «лидера», успел оглядеться. Столь роскошного кабинета еще не видел. Что ж, восток есть восток...

Пискунов, как обычно, произнес сумбурную речь о трудностях Пороховского завода и о той угрозе властям, которую несут нищие жители Порохова.

– А я здесь причем? – широко улыбаясь, спросил Егиазарян, – Я не власть и даже не знаю, где это ваше Порохово.

– Вы можете стать нашим благодетелем, если проголосуете в поддержку нашего проекта на кредитном комитете, – объяснил Пискунов.

– Я не буду на заседании, так что, ребята, ничем не могу вам помочь. Вы мне нравитесь, но извините, пожалуйста, – привстал хозяин кабинета, демонстрируя окончание беседы.

– Выйди, я сам поговорю, – шепнул кум, хотя я и так не произнес в том кабинете ни слова. Не простившись, вышел. В приемной увидел знакомое сооружение на колесиках и официантов сопровождения.

«Так вот куда все это великолепие возят», – обрадовался неожиданному открытию.

– Пойдем, – дернул за рукав выскочивший из кабинета Пискунов и потащил по коридору в какой-то закуток, – Давать надо, – шепнул он. Я молчал, – Привет ему передал от Пучковских армян... Сразу переменялся... Обещал помочь... Но без подарка не обойтись... Надо срочно Коробкина трясти, – выдал он предложения в своем репертуаре.

– Да ты и так его неслабо потрянул, – намекнул ему.
– Я не для себя, а для дела, – сердито огрызнулся кум.
– Ну-ну, – не поверил я.
– Что ты думаешь, Толик, мне много надо?.. Ну не съем же я один шесть бутербродов с икрой. И на двух «Мерседесах» не смогу ездить одновременно. А вы с Коробкиным мне не верите, – еще с полчаса уговаривал Пискунов поверить в его честные намерения.

Но, как ни старался, что-то не верилось.

«Сожрет и дюжину, не подавится. И на трех „Мерседесах“ исхитрится проехаться», – развеселила мысль...

Минут за пятнадцать до начала, заняли наблюдательный пост в вестибюле зала заседаний. Потянулись участники.

– А вы здесь зачем? – удивился, увидев нас, Волошин.

– Волнуемся, – ответили мы.

Прошли мимо, даже не заметив, Пашвыкин с Мерзликиным... Пошел, наконец, сам Власов.

– Здравствуйте, Виктор Васильевич, – вскочил и поклонился Пискунов.

– Здравствуйте, – с удивлением ответил Власов, повернувшись в нашу сторону.

Неожиданно наши взгляды встретились:

– Здравствуйте, Анатолий Афанасьевич, – узнал он меня и протянул руку, – Ваш проект будем обсуждать? – догадался он.

– Верно, – ответил ему.

– Болеть пришли?

– А как же.

– Думаю, все будет в порядке, – благожелательно сказал он и прошел в зал...

Через полчаса с нашей папкой вышел Волошин.

– Ну, как? – бросились к нему. Он безнадежно махнул рукой:

– Мерзликин провалил. Пойдемте, расскажу, – пригласил нас к себе...

В кабинете Волошин рассказал, что вначале все шло, как обычно. Он представил проект и зачитал заключение. Вывод был настолько очевидным, что председатель собрания Власов предложил голосовать сразу, без обсуждения. Все дружно проголосовали за выдачу банковской гарантии. И тут поднялся Мерзликин и заявил, что банк ведет неправильную политику – по рекомендациям областной администрации выдает «пустые» гарантии, а это непорядок.

– Что значит, пустые? – не понял Пискунов.

– Без залога, – пояснил Волошин, – У нас всегда гарантом выступала областная администрация. И не было проблем... А недавно Егиазарян, заместитель Власова, начал мутить воду. Потребовал, чтоб залоги были конкретными... Переписали все имущество области и оформили в залог. И тут начались какие-то махинации с областным имуществом. Пошли слухи, что за всем этим стоит Егиазарян... Когда они схватились с Власовым, тот даже на заседания перестал ходить... А сейчас его политику проводит Мерзликин. Так что, господа, наша битва только начинается... Завтра в двенадцать ноль-ноль нас ждет Галаничева.

– А это кто такая? – спросил Пискунов.

– Наш президент. Председатель правления банка, – ответил ему Волошин...

В двенадцать ноль-ноль мы с Пискуновым и Волошиным вошли в кабинет Галаничевой. Там уже находились оба вице-президента – Пашвыкин и Мерзликин.

Встреча прошла на редкость продуктивно. Галаничева полистала наше «дело». Внимательно прочла выводы заключения Волошина.

– У вас срочный договор? – спросила меня. Я кивнул.

– Срочный-срочный, очень даже срочный. Все надо делать быстро, – влез Пискунов. Я чувствительно, от души, наступил ему на ногу, а Галаничева с удивлением взглянула на странного клиента, внезапно подпрыгнувшего на стуле.

– Первый срок выдержали? – продолжила она. Я снова кивнул, – Мы дадим вам гарантию, Анатолий Афанасьевич.

– Как же так? – не согласился с ней Мерзликин.

– Банк даст гарантию в договорные сроки, – твердо повторила Галаничева, – Ответственный Пашвыкин... Параллельно должен быть оформлен имущественный залог. Ответственный Мерзликин... Желаю успехов, господа, – попрощалась с нами Галаничева.

– Анатолий Афанасьевич, подождите в приемной, – попросил Мерзликин...

– Ты что это мне чуть ногу не отдал? – выразил свое недовольство Пискунов, едва вышли в приемную.

– Значит, заслужил, – ответил ему и пояснил, что наш договор срочный, не потому, что его надо срочно выполнять, а потому что там указаны конкретные даты платежей. Директор завода Пискунов слышал об этом впервые...

А через полчаса мы уже сидели в кабинете Мерзликина, и уже минут через десять нашего разговора предвзятое отношение к человеку, провалившему решение кредитного комитета, развеялось. Мы наметили четкий план действий и немедленно приступили к его исполнению...

– Говорил, что надо давать, – продолжил убеждать Пискунов по пути к Власову, куда мы отправились прямо от Мерзликина, – Уверен, Егиазарян ничего не сделает без подношения, да и этот Мерзликин тоже. Надо срочно дойти Коробкина. А то зажал денежку... Тысяч сто точно потребуется, – ловко рассчитал он сумму взятка.

– Вова, как раз ровно столько ты должен Коробкину, – куснул я кума.

– Ничего я ему не должен, – взорвался он, – Деньги я истратил на подготовку цеха. Он мне еще должен за то, что цех не работал из-за переноса оборудования. Упущенная выгода называется.

– Какая такая выгода, Вова? Что ты там мог упустить, если завод вот уже год вообще не работает. Ты банкрот, Вова, а до сих пор жив, благодаря Гарберу и Коробкину. А выходит, они тебе еще и должны? Лихо.

– Любишь ты умничать, Толик, – обиделся кум и замолчал...

Власов принял сразу. Когда доложил о решении Галаничевой и разговоре с Мерзликиным, он тут же куда-то позвонил.

– Езжайте в имущественный комитет. Возьмите справку об активах области и отвезите в банк. Пусть выберут подходящий объект залога. Потом ко мне. Придется выносить на правительство и областную думу. Если дадут добро, будем оформлять залог. В общем, мороки месяца на два, – «обрадовал» нас Власов.

– Это невозможно, Виктор Васильевич. Все сроки лизингового договора летят, – расстроился я.

– У вас все может полететь, Анатолий Афанасьевич, а вы о каких-то сроках, – «успокоил» вице-губернатор...

И начались наши мытарства по чиновничьим кабинетам. Пискунов не отпускал ни на шаг. Но если я воспринимал каждый наш поход в очередную инстанцию как божье наказание, то кум, казалось, испытывал блаженство от общения со странной кабинетной публикой. Здесь он был как рыба в воде. И куда бы ни попадали, выйдя из очередного кабинета, заявлял одно и то же:

– Давать надо, иначе ничего не будет.

Но Коробкина не было, и давать было нечего, а ситуация рассасывалась сама собой без всяких подачек. Но это Пискунова почему-то не радовало. Мне даже показалось, что в тот момент он скорбел «об упущенной выгоде»...

В конце января объявился, наконец, Коробкин. Его физиономию украшал неестественный в это время года летний загар, а сам он, в отличие от нас, излучал энергию хорошо отдохнувшего человека.

Мой доклад о проделанной работе его вдохновил.

– Что ж, Анатолий Афанасьевич, пора и Пельмана дергать. Первый взнос ему отослали, решение банка и областного правительства отослали, а он даже с «Симеком» не связался.

– Дерну, Сергей Львович. Сегодня же позвоню Айдакову, а завтра направлю факс Пельману.

– Хорошо. И пригласите Пискунова. Надо решать с его долгом. Скандал мне удалось предотвратить. Теперь надо деньги возвращать.

– Нет у него этих денег, Сергей Львович. Он считает, что израсходовал их на нашу программу. Да еще толковал о какой-то упущенной выгоде.

– Ну, паразит, я ему завтра покажу упущенную выгоду, – вышел из себя Коробкин...

Связался с Айдаковым:

– Нет, Анатолий Афанасьевич. Пельман начнет работать, когда получит хотя бы копию банковской гарантии.

– Разве аванса ему недостаточно? Да еще две такие солидные бумаги ему направили.

– Нет. Я с ним не первый год работаю. Знаю его порядки. Пусть банк вышлет копию банковской гарантии и укажет срок отправки оригинала, – посоветовал он.

Советы советами, но факс Пельману все же отправил. Пусть он, а не Айдаков, скажет мне то же самое...

Айдаков не ошибся. В тот же день получил ответ Пельмана. Показал Коробкину:

– Хорошо, Анатолий Афанасьевич. Теперь долбите банк.

– Само собой. Только пока мы еще безуспешно долбим областную администрацию.

– А где Пискунов?

– Сидит в офисе. Пригласить?

– Не надо. Я сам... Мариночка, пригласи Пискунова, – попросил он...

Минут через пять вошел сияющий умильной улыбкой Пискунов:

– Как вам отдохалось, Сергей Львович?.. Вижу-вижу... Загорели на югах, пока мы тут вламывали с Анатолием Афанасьевичем.

– Это хорошо, Владимир Александрович, что вы вламывали... Надеюсь, теперь могу получить с вас должок?

– Сергей Львович, какой должок?.. Бог с вами... Мы же договорились.

– Ни о чем мы не договорились, Владимир Александрович... Вы договор не выполнили. Мне пришлось в канун Нового года разбираться с неприятностями. А вы говорите, договорились... Где деньги, Владимир Александрович?

– Ну, нет денег, Сергей Львович. И взять их неоткуда...

– Возьмите у Гарбера. Он же ваш партнер.

– Сергей Львович... Я же вам лучше предложение сделал. У вас же будет тридцать пять процентов акций... Вы же станете самым крупным нашим акционером. Мы все будем на вас молиться.

Не знаю, что случилось с Коробкиным, но он неожиданно сменил гнев на милость:

– Ну, хорошо, господа. Закроем этот вопрос. Молитесь, Владимир Александрович... Что там у нас еще, Анатолий Афанасьевич?

– Сергей Львович! – вдруг просиял Пискунов. Казалось, мгновение, и он бросится на колени перед Коробкиным, – Век вам буду благодарен. Спасибо... И еще, Сергей Львович, мы тут с Зарецким мыкаемся по инстанциям. Не пройти их без подарков. У меня в этом деле большой опыт. Выделите тыщонку-другую на подарки.

– Что с вами делать? – встал Коробкин из-за стола. Он открыл сейф, вынул пачку денег, потом доложил к ней еще несколько бумажек и передал мне, – Здесь двадцать одна тысяча, Анатолий Афанасьевич. Тысячу доложил на подарки.

– Спасибо, Сергей Львович. Спасибо, наш благодетель, – запричитал Пискунов.

– Не юродствуйте, Владимир Александрович, – поморщился Коробкин...

– Не хочешь поделиться? – задал свой традиционный вопрос Пискунов в коридоре. Его наглость уже не удивляла, она стала чем-то обыденным в поведении этого типа.

– А ты? – задал ему встречный вопрос.

– Чем? Деньги у тебя.

– Это капля в море... А вот твоя добыча где, интересно, Вова? Не хочешь поделиться?

– Какая добыча? Что ты мелешь?.. За это и схлопотать можно, Толик.

– Даже так?.. Это что-то новенькое в наших отношениях... Что ж, попробуй счастья, – остановился я в темном безлюдном коридоре, мгновенно изготовившись к бою.

– Дурак ты, Толик, – вдруг сменил гнев на милость кум, – Думаешь, тебе твое каратэ поможет?.. Да любого каратиста легко пулей снять, – высказался он.

«Вот оно что... Испугался, герой», – мысленно рассмеялся я. Вспомнил, очевидно, мои восторженные рассказы о наших «боях» на крыше, когда мы с ребятами осваивали запрещенные тогда восточные единоборства... Решил запугать своим пистолетиком, который с гордостью показал, когда я впервые приехал в его дачный домик... Но его оружие далеко, а мое всегда при мне...

– Ладно, герой, пошли, – двинул я в сторону нашего офиса. Шагов за собой не услышал. Оглянувшись, не увидел и Пискунова...

Вечером он позвонил:

– Ты что, на меня обиделся? – задал он странный вопрос.

– С чего ты взял? – спросил его, – На таких как ты обижаться невозможно.

– Это правильно, – не дослушав, перебил кум, – Приезжай завтра в Порохово.

– Зачем?

– Увидишь, – ответил кум и положил трубку.

«Неужели пистолетик покажет или своих бандюков?» – подумал я, но решил все же ехать. Вряд ли рискнет на что-то кроме запугивания. Не в его интересах...

Директор принял в своем кабинете:

– Один приехал?

– Как видишь.

– Электричкой?

– Чем же еще... Кстати, пригласи Олега и Татьяну. Я им зарплату выдам. Теперь деньги есть.

– Отлично, – обрадовался кум, – Давай сюда, я им сам передам. Нечего их отвлекать, пусть работают.

– Пусть, – согласился с ним и отдал деньги, – Зачем приглашал?

– Пойдем в цех, – вместо ответа пригласил он на прогулку.

А в цеху уже были люди. Сразу узнал Петросяна. Он меня тоже.

– Анатолий Афанасьевич, – обрадовался он, – Самый большой станок нельзя здесь размещать. Будем рыть котлован, эта стена обязательно рухнет. Да и эта может.

– Не вижу проблемы, – ответил ему, – Закрепите. Вы же знаете, как.

– Знаем, но это дорого, – разумно ответил он.

– Что предлагаете?

– А можно метров на шесть отступить вправо?

Я посмотрел генплан и дал добро на изменение. Поразмыслив, добавил:

– Что-то вы торопитесь, ребята... Договор не подписан, сметы нет... Да и начинать надо с геологических изысканий. А вдруг здесь грунтовые воды близко, или пливуны, – высказал свои опасения.

– Какие пливуны! – мгновенно вспыхнул Пискунов, – Цех уже сколько лет стоит.

– Вова, я не с тобой, а с Петросяном говорю. Он знает, какие... Взял бы, Вова, обыкновенную лопату, да хоть шурф прокопал. Ситуация сразу бы прояснилась.

– Что тут прояснять? Когда цех строили, все сделали как надо.

– Сделали, так сделали, – согласился я...

Через неделю Пискунов привез проект договора и смету:

– Подписывай, – сунул он последние листы, – Печать у тебя или у Коробкина?

– Вова, оставь документы. Изучу, тогда подпишу.

– Что их изучать?.. Их умные люди делали... Что ты в этом понимаешь? – засуетился кум, – Я их сегодня должен вернуть, – выдал он свой последний аргумент.

– Возвращай, – отдал ему неподписанные листочки.

– Смотри, – швырнул он на стол папку и пулей выскочил из кабинета.

Едва глянул на цифры, сразу стало ясно, что стоимость работ завышена минимум в два раза. Проверив ряд расчетов, обнаружил «ошибки». Они были настолько грубыми, что все сомнения в их случайности мгновенно отпали.

Особенно «порадовал» расчет налогов: их сосчитали для каждой работы в отдельности, а затем добавили повторно, рассчитав еще и для суммарной стоимости всех работ. В результате итоговая сумма налогов превысила реальную как минимум в два с половиной раза.

– Подписал? – спросил возникший через час Пискунов.

– Это подписывать нельзя, – сказал ему и показал выявленные «ошибки».

– Много ты понимаешь, Толик. У них методика расчетов такая, – неуверенно заявил кум.

– Знаю, – ответил ему, – У меня знакомый офицер стройбата утверждал, что яма, размером метр на метр и метр в глубину это три кубометра, а не один. И тоже ссылался на методику, размахивая при этом метром... А теперь посмотри, сколько у них стоит кубометр бетона?.. В два раза дороже, чем у москвичей.

– Откуда ты все знаешь? – с досадой спросил он.

– Позвонил, – ответил ему. Пискунов взял бумаги и вышел из офиса...

Через неделю молчания он позвонил снова:

– Срочно приезжай.

– Что за срочность?

– Не по телефону.

И вот я снова оказался в цеху в обществе Петросяна и его помощников. Но в этот раз меня ждал сюрприз: отрытый экскаватором котлован, на дне которого бурлила вода, и гулко работал мощный насос, откачивая ее куда-то по толстым трубам.

– Это еще что такое? – поразился я.

– Что я лопатой должен был копать? – возмутился кум, – Вот, взяли экскаватор, – виновато развел он руками.

Я уже не знал, смеяться, или плакать. Два директора стояли передо мной с видом провинившихся школьников, хотевших сделать доброе дело, но не рассчитавших свои силы и вызвавших искусственное наводнение.

– Ну и сколько прокопали?

– Четыре метра, – ответил Петросян, – Еще два надо. А попали на ручей. Качаем уже третьи сутки, а вода не убывает.

– Она и не убудет, раз это ручей... И что делать? – спросил его.

– Кессон, – ответил он.

– Засыпьте, как было, и дело с концом, – посоветовал ему.

– Что ты болтаешь?! – врезался в разговор Пискунов, – Чем засыпать? Мы же всю землю вывезли на свалку. Знаешь, сколько это самосвалов?

– Знаю. Видел в смете... А это что такое? – обнаружил за экскаватором гигантское сооружение из арматуры.

– Арматура фундамента, – пояснил Петросян, – Мы ее связали прямо наверху, чтоб проверить. Если удастся, сразу опустим в котлован.

– Что за самодеятельность? Арматуру собирают по месту... Немедленно прекратите все работы, вплоть до подписания договора, – распорядился я, – Все понял? – обратился персонально к Пискунову.

– Понял, – мрачно ответил кум под журчание выпущенного им на волю подземного источника и мерный стук водяного насоса, бессмысленно поглощающего кубометры воды и невероятное количество киловатт-часов электроэнергии...

Пискунов надолго исчез, утонув в рукотворном болоте бессмысленных хлопот, а я заметался от инстанции к инстанции чиновничьих барьеров. Время шло. Приближался срок предоставления банковской гарантии, и я обратился к Пашвыкину.

– Это не проблема. Мы подготовим банковскую гарантию, – бодро заявил он и дал поручение своей помощнице.

Уже через час текст документа был согласован со всеми.

– По договору текст должен быть на английском языке, – сказал я исполнителю.

– Не проблема, – ответила она, и уже через час показала документ на бланке.

– Красиво, – одобрил, вчитываясь в английский текст.

– Его еще надо подписать у руководства и взять регистрационный номер. Зайдите через час, – попросила она.

И я зашел... Я не верил своим глазам. Мне показали полностью оформленную банковскую гарантию на четыре миллиона долларов. Живой документ, гарантирующий наше безоблачное будущее, лежал передо мной...

– А что с ним делать? – спросила помощница.

– Отправьте факсом по этим номерам, – дал ей номер фирмы «Romates» и номер «Симека».

– Готово, – отдала она факсовые квитанции, – А куда отправлять оригинал?

– Давайте, сам отправлю, – предложил ей.

– Тогда распишитесь, – подала она какой-то журнал. Я расписался. Мне вручили заветную бумажку, и я как во сне вышел на бесконечные лоджии «Уникомбанка».

Я пытался сообразить, что произошло. У меня в руках был бесценный документ и странное ощущение, что украл четыре миллиона долларов...

Неожиданно лоб в лоб столкнулся с Любовью Николаевной.

– Что с вами, Анатолий Афанасьевич? – с тревогой спросила она. Я показал документ, – Как вам это удалось? Ну, поздравляю, – протянула она руку.

– Не с чем, Любовь Николаевна, – ответил ей и поделился своими сомнениями.
– Да вы что, Анатолий Афанасьевич! Вам давно бы выдали этот документ, если бы ни козни Мерзликина... Радуйтесь. Наконец, он у вас.
– Не знаю, Любовь Николаевна... Радости что-то нет. Очень уж не хочется людей подводить.
– Да кого вы подводите? Вы же, надеюсь, собираетесь выполнять ваши обязательства?
– А как же!
– Тогда эта гарантия всего лишь бумажка... Если есть проблемы, оставьте ее пока у меня... Положу в сейф... Скажете, отдам или вынесу, – предложила она.
Не знаю, почему, но я тут же отдал ей ценную бумагу и отправился не выходя...
– Анатолий Афанасьевич? – посмотрел в мой пропуск охранник на выходе из банка. Я кивнул, – Пройдите, пожалуйста, в ту комнату, – пригласил он.
Мы вошли в комнату без окон, где стоял маленький столик и пара стульев.
– Анатолий Афанасьевич, что у вас в папке? – спросил охранник.
– Документы, – ответил я.
– Можно посмотреть?
– Это обыск? – спросил его, – На каком основании?
– Что вы... Вы можете ничего не показывать... Но не советую.
– Пожалуйста, – открыл я папку и показал содержимое.
– Спасибо, – сказал охранник и вышел из комнаты. Раздался характерный щелчок замка. Я подошел к двери. Она, разумеется, была заперта.
«Попался... Типичная КПЗ», – мысленно рассмеялся я...

Меня продержали в банковской КПЗ часа три. Наконец щелкнул замок, и дверь открылась.

– Вы свободны, Анатолий Афанасьевич. Но выйти сможете, когда переговорите с господином Мерзликиным. Он вас ждет, – сообщил охранник.

За три часа «отсидки» решил, что бессмысленно испытывать судьбу, а главное ставить под удар ни в чем не повинных людей. Понимая, что за мной могут следить, вспомнил детские навыки отрыва от слезки. Помогло хорошее знание лабиринтов уникального здания «Уником-банка». Сразу же вспомнил расположение непросматриваемых «карманов» его лоджий-переходов.

В одном из «карманов» обнаружил испуганную Любовь Николаевну. Она сунула мне документ и мгновенно исчезла. Тут же бросился к помощнице Пашвыкина.

– Знаете, пожалуй, этот документ мне ни к чему. Вычеркните меня из вашего журнала, – попросил, возвращая документ.

– Спасибо, – благодарно посмотрела она, не сказав больше ни слова.

Я же, уже не скрываясь, направился к Мерзликину.

– Вы хотели меня видеть? – спросил его.

– Где гарантия, Анатолий Афанасьевич?

– У исполнителя.

– Не может быть, – удивился он.

Я пожал плечами. Мерзликин тут же позвонил. Выслушав ответ, улыбнулся:

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич. Вы все правильно сделали. До свидания, – протянул он руку.

Из банка вышел беспрепятственно.

Глава 27. Медвежья услуга

Сразу же поехал в офис. Там царил паника.

– Ты где был? – спросила Светлана, – Тут тебе куча факсов на английском языке. Сергей Львович рвет и мечет, куда ты делся, – проинформировала она...

– Анатолий Афанасьевич, вы хотя бы изредка сообщайте, где находитесь. А то мы тут с ног сбились, – сходу налетел взволнованный Коробкин.

– Арестовали меня, Сергей Львович. Три часа просидел в КПЗ банка, – огорошил его и рассказал о своих банковских приключениях.

– Ну, вы герой, Анатолий Афанасьевич! Такое дело провернули... Вам надо мобильный купить. Хоть сообщили бы, где вас искать.

– Не уверен, что из той комнаты можно дозвониться. Она наверняка не только звукоизолирована, но и непрозрачна для радиоволн.

– Пожалуй, так, – согласился Коробкин, – Ну что, теперь надо срочно активизироваться... Пожалуй, можно и к строительству приступать, Анатолий Афанасьевич. Как думаете?

– Да Пискунов уже активизировался, целый источник открыл. Чуть завод ни утопил, – и я рассказал ему об инициативе кума и ее последствиях.

– Ну, Пискунов, – возмутился Коробкин, – Мне его медвежьи услуги уже поперек горла... Надо к нему контролеров приставить... На следующей неделе привезу своего братца. Вы его подучите, Анатолий Афанасьевич, и мы его прямо в Порохово и поселим. Будут свои глаза и уши, – предложил Коробкин. Я, разумеется, согласился.

Пока разговаривали, Марина перевела документы, и мы с удовольствием прочли поздравления Пельмана и Чендерелли.

Вернувшись от Коробкина, позвонил Айдакову и сообщил нашу новость. Порадовались вместе...

Вечером позвонил Пискунов:

– Анатолий, мы ручей перекрыли. Теперь вода натекает, но понемногу. Откачиваем слабеньким насосом два раза в сутки. Петросян говорит и эту перекроем, – сообщил он.

– Вова, гони ты этого Петросяна. Пока ни подпишем договор, нечего ему там делать, – приказал куму...

С утра отправился в имущественный комитет, где получил, наконец, гигантский перечень имущества области, не состоявшего в залоге.

С неприятным чувством опасности вошел в здание «Уникомбанка», казавшееся теперь комфортабельной тюрьмой. Мысленно улыбнулся: «Выйду ли сегодня отсюда?»

Зашел к Волошину:

– Что за переполох вы вчера устроили, Анатолий Афанасьевич? – спросил тот.

– Ну, положим, не я, а ваши исполнители. Выдали на руки банковскую гарантию... Вышел от них, а тут что-то желудок прихватило... Пришел в себя, отнес документ, а они, оказывается, уже Мерзликину доложили. Тот и устроил переполох... Пришлось зайти, успокоить.

– Вы и у Мерзликина были? Что он сказал?

– Поблагодарил и все. А что они так переполошились, Игорь Григорьевич?

– А как же, Анатолий Афанасьевич. Гарантия это ценная бумага. Ее можно легко продать... Вполне могли бы сразу стать богатым человеком.

– А потом в тюрьму, – добавил я, и мы понимающе рассмеялись...

Чуть позже подозвала Любовь Николаевна:

– Ну, Анатолий Афанасьевич, вчера натерпелась страха... Вы едва ушли, смотрю, охранники забегали. Вижу, вас не выпустили из банка. Ну, думаю, влипла... Сунула документ за пожарный щит, и на рабочее место. А охрана тут как тут. Спрашивают, был у вас Зарецкий. Сказали, нет. Покрутились, ушли. Ну, а потом я часа два дежурила, где мы встретились... Я так и подумала, что вы захотите документ вернуть, – рассказала она, и мы весело рассмеялись...

Вместе с Волошиным зашли к Мерзликину. Они долго изучали объемистый перечень. Кончилось тем, что Мерзликин поручил Волошину сделать ксерокопию и представить предложения по залогу.

– Что там представлять, – ворчал Волошин, – Остались одни хлебозаводы и хладокомбинаты. А эти объекты администрация никогда в залог не даст. Вот вам и представление, Анатолий Афанасьевич.

Через неделю объявился Пискунов:

– Ну, что там, в имущественном комитете?

– Да никак с залогом не определятся, – ответил ему.

– Говорил, надо давать! – взвился кум, – Поехали, – решительно двинулся он к выходу.

– Далеко собрался? – спросил его.

– В имущественный комитет, – ответил он.

– Да туда добираться часа полтора. Как раз в обед попадем, – предупредил его.

– Я на машине. Минут за пятнадцать доедем. Заодно посмотришь мою машину.

– Видел я твой драндулет.

– Это другая. Отобрал, наконец, у председателя правления. Пусть теперь на моей поедит. Не барин... Черная «Волжанка», – похвалился кум.

– Ну, Вова, ты теперь правительственный гусь.

– А то, – гордо усмехнулся довольный кум...

Взвизгнули тормоза, и мы остановились у пункта обмена валюты.

– Деньги давай, – протянул руку кум.

– Какие деньги? – спросил его.

– На подарок. Разменять надо.

– Сам разменяю, – вышел я из машины и направился к «обменнику».

– Значит, не доверяешь? – спросил поспешивший за мной кум.

– А ты? Что в машине не сидится? – ответил ему.

– Вот чудак. Я, чтоб тебя не ограбили. Охрана, – заулыбался он.

Мы разменяли доллары и поехали дальше.

– Стой! – остановил он водителя у ювелирного магазина, – Со мной пойдешь, или здесь посидишь? – спросил он.

– Иди уж ты со мной, охранник, – пригласил его, – Или надсмотрщик, – добавил после паузы и тут же поймал недоброжелательный взгляд «партнера»...

– Вот, шикарный гарнитур, – показал Пискунов, – Как раз на всю сумму. Покупай.

– Вова, что у тебя со вкусом?

– Какой такой вкус? Это золото. Оно все вкусное. Особенно на халяву. Покупай, не морочь голову. Я буду вручать. Зато сегодня же все проблемы решим, – уговаривал он.

Махнув рукой, купил какие-то нелепые побрякушки. Взял копию чека.

– А это еще зачем? – недовольно спросил кум.

– Для отчета, Вова, для отчета... И у тебя чтоб на любую трату впредь была бумажка, иначе не оплачу. Хватит с нас партизанщины, – приказал ему.

Кум промолчал...

– Давай игрушку. Пойду, вручу, – сходу ринулся он в бой.

Минут через пять Пискунов выскочил из кабинета, красный как рак.

Следом за ним выглянула председатель комитета:

– Анатолий Афанасьевич, зайдите, – пригласила она. Я зашел, – Это вы прислали того типа с бирюльками? – сердито спросила она.

– Нет. Это его инициатива.

– Пусть он больше мне на глаза не показывается, этот ваш холуй... Неужели я дала вам повод, чтобы предлагать взятку?.. В следующий раз вызову охрану, и сдам в милицию... Идите, Анатолий Афанасьевич. Я очень огорчена, – не поверила она.

Я вышел:

– Пошли, взяточдатель, – пригласил кума, – Сдавай подотчетную вещицу, – протянул я руку.

– А я все оставил на столе, – спокойно пояснил кум, – Ты что, Толик, не понял?.. Да эта «честная» дама с тобой целый спектакль разыграла... Высунулась из кабинета, чтоб проверить, не ждут ли в приемной, чтоб взять с поличным... А потом на всякий случай на прослушку поработала – тебя отчитала... Сейчас любитесь подарком, сволочь... Нет, чтоб спасибо сказать человеку и сделать ему доброе дело, какое просит... Отлаяла, как собаку... Вот и делай после этого добро людям, – недовольно проворчал он.

– А ты не делай, – предложил ему, – Все это медвежьи услуги, Вова. С этими подарками можно действительно подвести под статью честного человека.

– Ладно, Толик. Нашел честных. Все они взяточники... Подарок-то взяла, – удовлетворенно заявил он. Не знаю, почему, но не поверил тогда куму, и оказался прав. Но об этом позже...

В середине февраля прилетели Лариса с Серджи. И я снова встретил их на «Мерседесе» Коробкина.

– Все, мой друг Анатолий. «Симек» делать ваши маккини, – сообщил Серджи хорошую новость, – Мой президент сказал, можно люди прислать Италья. Учить работать маккини. Жду ти, – улыбнулся он.

– Мне нельзя... Галеры, – пошутил я.

– Да ладно вам, Анатолий Афанасьевич, – рассмеялась Лариса, – Он и вправду может подумать, что сидели в тюрьме, – и она что-то сказала Серджи по-итальянски. Тот рассмеялся:

– Скерцо?.. Э бурлонэ, Анатолий.

– Вы шутник, – перевела Лариса...

В тот же день начали формировать группу для поездки в Италию. В офисе уже было полно народу.

В конце января появился, наконец, Гарбузов и с подачи Коробкина стал сопровождать меня повсюду:

– В случае чего, даст знак, что вас надо спасать, Анатолий Афанасьевич... Вы теперь у нас фигура номер один. Лучше вас никто ничего не знает... Кстати, пора подумать и о сырье. Вы говорили, у вас в Киргизии друг. Пригласите его к нам. Переговорим, – подал он хорошую идею...

Вскоре появился и Владимир Львович, старший брат Коробкина. Темными волосами и усиками сразу напомнил мне Рабкина, моего сослуживца по РКК «Энергия». А за свой зычный голос Коробкин старший мгновенно получил подпольную кличку «Рында». Он с трудом вникал в новое для него дело, и я понял, что запланированная братом должность главного инженера ему не по плечу.

– Слушай, Толя, – обратился как-то ко мне Сергей, – Встретил недавно Емельянова. Жаль его стало. Заездили на работе, а денег не платят месяца по два к ряду. Совсем деградировало наше НПО «Энергия»... У нас ни найдется для него что-нибудь? Двое детей все-таки.

– Пусть приходит, – согласился я. И недели через две Николай вышел на работу. Не отставал и Коробкин:

– Анатолий Афанасьевич, нам электрик нужен?

– А как же, – ответил ему.

И в следующий понедельник мне представили «талантливого» электрика Женю Черемных, привезенного из Питера.

Коробкин, Гарбузов, Черемных и Емельянов были определены в группу «специалистов», которая должна стать ядром нашего будущего предприятия...

Тут же посадил их изучать документацию, но энтузиазма не наблюдал. Зато, войдя как-то в офис, услышал:

– Кванта коста уна донна? – густым баритоном гудел Рында, обращаясь к Гарбузову, державшему в руках самоучитель итальянского языка.

– Какая вам донна, синьоры, с вашими командировочными? – рассмеялся я, – Учите лучше документацию, специалисты по доннам.

– Да это мы, Анатолий Афанасьевич, чтоб веселее учить язык, – смутился Коробкин старший.

– Я так и понял, Владимир Львович... Попробуйте заодно разобраться с технической терминологией. Тоже пригодится. Спрашивайте, если что непонятно, – посоветовал им.

«Эх, мне бы попасть на „Симек“. Уж я бы там постарался все разузнать по максимуму», – впервые позавидовал ребятам...

У Гусева, где давно уже не был, вдруг встретил Ганича:

– Виктор Федорович, сколько лет, сколько этих самых, – обрадовался я, – Ну, как, нашли работу?

– Да какая там работа, Анатолий Афанасьевич. Эти демократы и близко меня к журналистике не допустят. А я ничего другого не умею... А вы как? Сделали что-нибудь? – спросил он, но, взглядываясь в мои обновы, мгновенно сообразил, – Вижу, сделали, Анатолий Афанасьевич. Поздравляю.

– Пока не с чем, Виктор Федорович, но прогресс на лице, – пошутил я, – Заходите, буду рад, – дал ему свою визитку с нашими телефонами и адресом...

Он не заставил себя ждать, и вскоре появился в офисе. Ребята, узнав в нем человека, которого когда-то часто видели по телевизору, тут же окружили с расспросами.

– Не думал, что меня еще помнят, – растроганно сказал Ганич, – Может у вас найдется для меня местечко, Анатолий Афанасьевич? Паблик рэлэйшн, или еще что-нибудь по этой части? – грустно спросил бывший журналист-международник.

И уже через неделю выражение «Паблик рэлэйшн» стало его официальным прозвищем, которое, судя по реакции, ему очень нравилось...

Вскоре оказалось, что у Ганича полно друзей в МИДе, и он с радостью принялся за оформление паспортов и виз нашим «итальянцам»...

– Анатолий Афанасьевич, в восемнадцать ноль-ноль будьте у выхода из метро «Добрынинская». Туда подъедут Владимир Александрович и Серджо с Ларисой. Там вас подхватит мой водитель. Едем в ресторан, – выдал команду Коробкин.

– В честь чего, Сергей Львович? – спросил его.

– Разве в рестораны ходят в честь чего-то? – удивился Коробкин.

– Не знаю, я не большой знаток. В ресторанах был не больше десятка раз.

– Все еще впереди, Анатолий Афанасьевич. Вся деловая жизнь крутится вокруг ресторанов, – заявил многоопытный партнер...

На «Мерседесе» Коробкина мы въехали прямо в Даниловский монастырь.

– О-о-о! – выйдя из машины, восхищенно оглядывал монастырский двор Сердžo.

Мы прошли в трапезную. За накрытым столом уже сидели Коробкин с Людмилой и интеллигентная пожилая пара. Познакомились. Вот теперь я был уверен, что передо мной истинный партнер Коробкина, мечтающий о свечном заводике.

Очень скоро Сердžo снова стал душой компании, и лишь незадолго до окончания ужина Сергей Львович предоставил мне возможность побеседовать с его партнером. Море вопросов не утопило меня, и мы расстались, довольные друг другом.

Уже в девять вечера, когда мы толпой вышли на крыльцо трапезной и стояли в ожидании нашего транспорта, Сердžo не удержался:

– Руссия бэлла! Моска бэлла! – восторженно произнес он, глядя на полную луну, вдруг ярко осветившую раскинувшееся перед нами монастырское великолепие. Белые храмы с золотыми куполами, ухоженный двор, образованный крепостными стенами с башенками, – все было укрыто сухим на морозе, отдающим в синеву снегом. И такая тишина звенела в этом прелестном уголке нашей древней столицы, что казалось, время здесь застыло в каком-то далеком «надцатом» веке...

– Анатолий, поздравь... Начали заливать фундамент! – как обухом по голове оглушил неожиданной новостью Пискунов.

– Вова, ты с ума сошел?! Прекрати немедленно! – закричал я в трубку.

– Поздно, Анатолий... Почти до «нуля» дошли... Целый день льем... Представляешь, сколько машин вбухали?

– Представляю... Заставь дурака... Хоть не расперло? – спросил о том, что волновало больше всего.

– Нет. Опалубка пока держит.

– Пока... Бетон хоть уплотняли?

– Уплотняли... Одного дундука с вибратором чуть в бетоне ни утопили.

– Как так?

– Да его только спустили вниз, он не успел сориентироваться, а тут сразу два бетоновоза опорожнились. Его и накрыло... Туман, ничего не видно. Мы кричим, а он нас не слышит, вибрирует себе и не видит, что по колени в бетоне. Прекратили заливку. Вытащили.

– Вы хоть фотографии делали?

– Какие, Толик, фотографии!.. Попробовали на видео снимать, но из-за тумана невозможно.

– Вова, мы говорим о разных вещах. Я говорю о технической съемке... Ладно, завтра приеду, – предупредил его.

С появлением Гарбузова у нас появился «служебный» автотранспорт – старенькая «Волга», которую ему отдал Гарбер в счет погашения долга по зарплате. При длительных поездках в ней можно было угореть. Но и при коротких было неприятно из-за стойкого запаха газа, на котором работал двигатель.

Но делать нечего, надо ехать в Порохово, хотя ясно, что вернусь с жуткой головной болью...

– Ты зачем этого Гарбуза привез? – как обычно спросил недовольный Пискунов.

– Привыкай, Вова... Он теперь наш штатный сотрудник. К тому же он, как мой заместитель, является твоим непосредственным начальником.

– Да пошел он!.. Здесь я начальник, и никто другой.

– Заметно... Что хочешь, то вытворяешь... Ладно, пошли.

– А этот, какого хрена за нами тащится? – увидел он идущего за нами Гарбузова.

– Имеет право... А скоро он здесь вообще поселится с Коробкиным старшим. Кстати, подыщи им подходящее жилье.

– Это еще зачем? Что за дела, Толик? Я не согласен.

– Это приказ... Ты хоть не забыл, что такое приказ, Вова?

– Чей приказ?

– Мой... Коробкин с ним согласен.

– Я не согласен.

– Не влияет, Вова... С твоими двадцатью процентами ты теперь имеешь только совещательный голос. Да и я тоже... Заметь, по твоей вине.

– Даже так? Только совещательный? А Коробкин?

– Читай устав, Вова. Там все написано, – предложил ему. Пискунов задумался...

Меж тем подошли к «объекту». Как и ожидал, опалубку кое-где выперло, а, дотронувшись до бетона, отдернул руку – горячо.

– Вова, где Петросян?

– Утром уехал отдыхать. Лили до утра... Завтра будет, а что?

– Вопросов к нему много... Хотя его ответы уже ни на что не повлияют. Поздно.

– Что поздно, Толик? Спрашивай у меня. Что знаю, отвечу, – засуетился кум, почувствовав, что с заливкой фундамента не все в порядке...

– Он хоть знает, что такие объемы заливать сразу нельзя?

– Он специалист. Ему видней. А что?

– Дотронься до фундамента, Вова. Он горячий. Реакция идет. И там, где не хватит влаги, может треснуть... Грош цена такому фундаменту... Для этого и заливают по слоям. Слои показаны на чертежах... А вы залили одним махом... У вас, вон смотри, опалубку повыпирало.

– Да это ерунда, Толик.

– Ерунда? – рассмеялся я, – Начнется монтаж оборудования, будешь эту ерунду перфораторами и болгарками срезать. Интересно, что тогда скажешь?

– Срежем, если надо будет, – проворчал кум. Его настроение «победителя» падало на глазах.

– И последний вопрос. С какого перепоя вы решили заливать фундамент?

– Да у Петросяна сроки хранения цемента кончились.

– Когда?

– Месяц назад.

– Нормально... На тебе, боже, что мне негоже... Вы хоть образцы для испытаний сделали?

– Откуда я знаю? – сердито ответил кум.

– А должен знать, если взялся за такое дело. Что ж, Вова, спасибо за фундамент. Хорошо бы за год не рассыпался. При вибронагрузках от такого мощного станка запросто.

– Не пугай, Толик.

– Что тебя пугать? Ты здесь смелый с пистолетиком... А вот с головой проблемы, Вова...

Принимаешь неграмотные решения. И приказы не выполняешь.

– Какие такие приказы?

– Я же тебе запретил все работы в котловане... Забыл?

– Честное слово, забыл, Толик.

– Вот теперь ребята будут тебе постоянно напоминать... В общем, пока они ни поселятся в Порохово, никаких работ. Понял?

– Понял, – мрачно ответил кум...

С утра вызвал Коробкин:

- Анатолий Афанасьевич, есть проблемы.
- У кого их нет, Сергей Львович? – посочувствовал ему.
- Вывел-таки меня из равновесия этот Пискунов... На ровном месте потерять сто тысяч зеленых!.. Думал, выкарабкаюсь, не получается.
- Да у нас же четыреста миллионов рублей на банковском счете. Это же около восьмидесяти тысяч... Забыли, Сергей Львович? – напомнил ему.
- Помню, Анатолий Афанасьевич... Но те деньги надо тратить разумно. Только, когда без расчетного счета не обойтись... В общем, посмотрел вашу смету, не укладываюсь никак... И выбросить, кроме автомобиля, ничего нельзя.
- Ну, автомобиль подождет. Ездим же на «Волге» Гарбузова.
- Как вы на ней ездите, Анатолий Афанасьевич? Я около нее три минуты постоял, чуть ни отравился. Она что, на газе?
- На нем самом. Вчера приехал из Порохово, всю ночь голова раскалывалась.
- Да вы что, Анатолий Афанасьевич? Запрещаю вам даже приближаться к ней. Они, говорят, взрываются. А нам вы сейчас нужны как никогда. Что мы без вас делать будем?
- Взрываются они, когда долго стоят в закрытом помещении.
- Да ладно, Анатолий Афанасьевич. Не хватало только взрывов... В общем, надо вам куда ехать, берите мой «Мерс». Через месяц купим что-нибудь... А вот что сейчас делать, ума не приложу... Есть одна мыслишка. Вот только не знаю, как народ отнесется.
- Что за мыслишка?
- Вы были правы, Анатолий Афанасьевич. Погорячились мы с окладами... А что если до начала продаж платить одинаково – по пятьсот долларов, независимо от окладов?.. Нет, штатную зарплату начислять, конечно, надо. Пойдут продажи, тогда и рассчитаемся... Как вы на это смотрите, Анатолий Афанасьевич?
- Думаю, это выход, Сергей Львович... По-моему люди поймут... Все, кроме Пискунова. Вот с ним будут проблемы. С ним в последнее время вообще одни проблемы... Очередная медвежья услуга, Сергей Львович, – и я рассказал ему о том, как был поставлен перед фактом несанкционированного начала строительных работ, и как бестолково были выполнены те работы. Коробкин был в шоке.
- Да это Махно какой-то. Он что, не понимает, что такое запрет вести работы? Это же подсудное дело. Подготовьте письменный приказ. Я в понедельник туда поеду, отвезу ребят. Заодно вручу ему под расписку, – предложил Коробкин. Я согласился...

Вечером позвонил Пискунову и рассказал о предстоящем визите Коробкина. Попросил найти жилье для наших специалистов.

- А зачем Коробкин едет? Не знаешь?
  - Я же сказал, привезет ребят.
  - И все?
  - Откуда я знаю, все или не все. Ты что, боишься чего-то, Вова?
  - Ничего я не боюсь, – раздраженно ответил он и положил трубку...
- Прямо с утра пригласил Коробкин. Вошел в кабинет и обомлел: на меня с улыбкой смотрел Пискунов.
- Как ты здесь оказался? – спросил его. За него ответил Коробкин:
  - Анатолий Афанасьевич, тут Владимир Александрович вышел с предложением по жилью в Порохово. Пожалуйста, – предоставил он ему слово.
  - Да что тут говорить... Ребят я конечно размещу. Но если мы хотим работать, как положено, должны быть созданы условия... В центре Порохова сейчас сдается элитный пятиэтажный дом. Мне кажется, нам надо купить там несколько квартир.
  - Сколько, Владимир Александрович, и каких? – спросил Коробкин.

– Как минимум три. Одну, трехкомнатную, для директора Пороховского завода Пискунова, и две двухкомнатных для специалистов и руководства, – выдал Пискунов.

«Ну и аппетит», – подумал я и, не удержавшись, спросил кума:

– А тебе, Вова, зачем квартира в Порохово?

– А как же?.. Вы с Сергей Львовичем в деревне не жили. А директор завода Пискунов должен ежедневно отрывать примерзшую к подушке голову. Потом, дрожа от холода, растапливать печь, и еще с полдня колоть лед и разгребать снег, чтобы выехать на работу. Когда же работать?

«Бедный Йорик с оторванной промерзшей головой», – мысленно рассмеялся я.

– И так круглый год? – спросил кума.

– Круглый год, – в запале выдал тот.

– А зачем выезжать на работу, если можно минут за десять спокойно дойти пешком.

Полдня можно сэкономить, – подсказал куму выход.

– Э-э-э, Толик... Не знаешь ты сельского менталитета. Даже если директор живет рядом, все равно надо ехать.

– Ну, тогда надо покупать, – сказал я, твердо зная, что денег на покупку квартир у Коробкина нет.

– Спасибо за поддержку, – незаметно для Коробкина пожал руку Пискунов.

«Бедный Йорик», – не выдержав, рассмеялся вслух...

Ночью разбудил телефонный звонок:

– Узнал, кто звонит?.. То-то же... Можешь поздравить. Фундамент залит полностью. Только что закончили... Сюрприз к приезду Коробкина... Так что пусть ребят не привозит. Так ему и передай.

– Непременно передам, – ответил ему и положил трубку.

Утром зашел к Коробкину:

– Сергей Львович, нет слов.

Едва взглянув на меня, Коробкин все понял:

– Пискунов?

Я кивнул головой. Помолчав, добавил:

– Довел-таки свою медвежью услугу до логического конца.

Если бы знал, как ошибался, думая, что это все.

Глава 28. Нексия раздора

Всего две недели выдержали Коробкин и Гарбузов в командировке в Порохово. Вернувшись, Владимир Львович уехал на неделю к семье в Питер, а Сергей с радостью занял свой стол, который мы с Котельниковым переставили в мой кабинет.

– Знаешь, Толя, а я понимаю Пискунова... Во всяком случае, на его месте поступил бы так же, – без всякого предисловия вдруг заявил Гарбузов.

– Странно, Сергей Иванович, – впервые назвал его по имени и отчеству, – Для этого вывода тебе надо было съездить в командировку?... Что же ты там такого разглядел, что согласен с самовольными действиями некомпетентного директора?

– Да нет, Толя, я не совсем точно выразился. Просто понимаю, почему он именно так поступает вообще.

– Ну и почему?

– Видишь, Толя, мы с ним по гороскопу Раки, – начал Сергей, невольно развеселив настолько, что не смог сдержать улыбку:

– И ты, Сережа, веришь в эту галиматью? – спросил его.

– Напрасно ты так к этому относишься, – вполне серьезно продолжил Гарбузов, – Мне самому все это сперва показалось галиматьей... А присмотрелся, слишком много совпадений... Взять, того же Пискунова... Да он не может ни рваться к власти. Для нас, Раков, это самая сильная страсть... Единственное, что плохо, большинство Раков патологически плохие управленцы.

– Думаю, не только Раки, Сережа.

– Согласен... Но гороскопы, Толя, это вековые наблюдения... А со статистикой не поспоришь... По себе чувствую. Помнишь, как с Чебурашкой за должность сражался? Топил его по черному. И ведь понимал, не нужна она мне. Не справлюсь... Но Рак есть Рак. Зависть и ослиное упрямство сделали свое дело... Хорошо, не вышло. Плюнул, ушел с предприятия. И опять все то же: что ни создам, все проваливаю... Вот в шоферах оказался на месте. Но за тобой, Толя, наблюдал с интересом... И сейчас наблюдаю... Черная зависть... Рак все-таки, – улыбнулся, наконец, Гарбузов...

В обед услышанным от Гарбузова поделился с дочерью, которая чуть ни ежедневно следила за гороскопами и даже зачитывала что-то из газет. Я слушал ее прогнозы о небывалом финансовом успехе, который, якобы, ждет меня в ближайшее время, и смеялся.

– Вот, папа, ты не веришь, поэтому и не сбывается, – убеждала дочь.

– Но ты же веришь, а у тебя тоже не сбывается, – оппонировал ей.

– Значит, недостаточно верю, – оправдывалась Светланка, и продолжала надеяться...

Выслушав меня, дочь ничуть не удивилась:

– Да я это давно знаю. Мы даже с Котельниковым обсуждали, что слишком много у нас Раковых... Туго тебе придется, товарищ директор.

– Ничего, как-нибудь справлюсь, – рассмеялся я.

– Как знать... Не хотела тебе говорить, но, – посмотрела на меня дочь, – Целый заговор против тебя, – сказала она и замолчала.

– Да ладно, Светик, придумашь такое, – не поверил дочери, – С чего ты взяла?

– Ежедневно слышу. Они уже открыто говорят, не стесняются.

– Кто и что говорит? – насторожился я.

– Да твой любимый Ганич, – сердито сказала дочь, – Уже с месяц всех убеждает, что ты не можешь быть директором. Слишком мягкий. Поэтому тебя Пискунов игнорирует... А вот сам Пискунов другое дело. Он сможет все организовать как надо.

- С чего он взял? Он же ничего не знает, – невольно возмутился я.
- Вот и ребята так сказали, причем все.
- Ну вот, видишь, – попробовал успокоить дочь.
- А сейчас Ганич другое придумал. Теперь он Гарбузова видит директором.
- Гарбузова?
- Сергея Ивановича... Вот это, говорит, настоящий директор.
- Да пусть говорит, – махнул я рукой.
- Да ты что, папа? – возмутилась дочь, – Емельянов уже обеими руками «за». Ты, говоришь, хороший инженер, а руководитель так себе. Мы, говорит, это не раз на партсобраниях обсуждали в РКК «Энергия»... Взял ты его на свою голову, папа.
- Действительно, – возмутился я откровенной лжи сослуживца.
- Что плохо, Коробкин старший все на ус мотает... Может и Сергея Львовича убедить, – предположила дочь.
- Выбрось из головы... Сергей Львович хоть и младший, но соображает лучше брата. Он знает, кто чего стоит... Пусть говорят. Начнется работа, будет не до разговоров, – ответил ей...

Я никогда не боялся конкуренции, чувствуя себя на голову выше любого из окружающих людей. Так было в РКК «Энергия». Так было и здесь, на предприятии, которое еще только рождалось, но которое было плоть от плоти моим детищем и ничьим другим.

«Пусть говорят», – решил я и надолго забыл о мнимой проблеме...

Меж тем офис бурлил в преддверии долгожданного визита наших «специалистов» в Италию. На стене появилась большая карта Европы, у которой постоянно видел, как минимум, одного сотрудника, тщательно изучающего район Венеции. Суетился Ганич, заполняя какие-то анкеты и собирая фотографии и паспорта.

И вот однажды пришел в офис и поразился небывалой тишине. На своем месте были лишь Светлана и Петр.

- Уехали?
- Только что, – ответил Котельников.
- А где Ганич?
- Поехал провожать.

Часа через три вернулся возбужденный Ганич:

– Ну, слава богу, все в порядке, Анатолий Афанасьевич. Улетели без приключений. Устал я за эти дни. Вымотался... Поехал домой, отдохну пару дней, – сам того не подозревая, бросил Паблик Рэлэйшн вызов моему самолюбию.

– Виктор Федорович, зайдите, пожалуйста, – пригласил его в кабинет, решившись на серьезный разговор.

– Ой, мне некогда, Анатолий Афанасьевич. Выйду на работу, тогда поговорим, – заторопился он.

– Вольному воля, Виктор Федорович, – ответил ему, – Отдохнете, приходите за расчетом. Собственно, больше нам не о чем говорить, – сказал я больше на публику и ушел в кабинет.

Буквально тут же раздался стук в дверь:

– Разрешите, – вошел Ганич, – Вы извините, Анатолий Афанасьевич, я готов с вами поговорить.

– Какое счастье! – не удержался я от сарказма, – Этот разговор нужен вам, Виктор Федорович, а не мне. Ладно, уж. Проходите, садитесь, – пригласил его.

– Я понимаю, Анатолий Афанасьевич, что поступил неверно. Каюсь. Приношу свои глубокие извинения. Но так сразу увольнять? Честно говоря, не ожидал от вас, – начал он.

– А чего вы от меня ожидали? Что проглоту оскорбление?

– Какое оскорбление, Анатолий Афанасьевич? Что вы такое говорите? – в недоумении посмотрел на меня Ганич.

– Самое неприкрытое. Вы нагло заявляете директору, что прогуляете пару дней и при этом отказываетесь от разговора с ним. Что это, как ни вызов?.. Какой руководитель такое стерпит?.. И Пискунов, и Гарбузов вас немедленно бы уволили. И правильно сделали, будь они руководителями. Вы этого достойны.

– Анатолий Афанасьевич, извините, я не подумал, – испугался, наконец, бывший журналист-международник.

– Очень метко сказано, – продолжил я, – А надо бы думать, Виктор Федорович, когда говорите с такими людьми, как Пискунов и Гарбузов... Зачем вы их обнадежили? Зачем вы разлагаете коллектив сомнениями в правильности моего руководства?.. Кто вы такой?.. Кто вам дал право судить об этом вслух?.. Чем вы занимались всю вашу жизнь? Собирали сплетни и публиковали в газете?.. Вы хоть проверяли, о чем писали? Наверняка... Но то была ваша профессия. Вы поступали так, как вас учили... Так вот. Моя профессия управлять людьми, решающими технические задачи. Меня этому учили, как вас журналистике. И я был неплохим учеником. В РКК «Энергия» я создавал новые направления работы и подразделения, которые ту работу успешно выполняли.

– Я не сомневаюсь, Анатолий Афанасьевич, вы как-то рассказывали об этом.

– Думаете, мне было легко? – продолжил, не обращая внимания на его слова, – Я продирался сквозь чащу непонимания и откровенной зависти к моим успехам. Это было на гражданке... А в армии я командовал вооруженными людьми, руководил боевым расчетом, готовившим пуски космических ракет. Как вы думаете, я умел командовать, если за время службы по этой части имел только благодарности?

– Думаю, умели.

– Так что же вы, журналист, делаете скоропалительные выводы о том, в чем не разбираетесь?

– Вы извините, Анатолий Афанасьевич, но мы именно так всегда работаем. Наша задача обозначить проблему, а как она будет решена, не наше дело.

– Прокукарекал, и трава не расти?

– Именно так.

– Вы знаете, Виктор Федорович, вы разочаровали меня не только как личность, но и в журналистике в целом, – Ганич молчал, опустив голову, – Что же с вами делать?

– Дайте мне шанс, Анатолий Афанасьевич. Не увольняйте, – едва ни плача, попросил вдруг взрослый человек, старше меня по возрасту.

– Идите, Виктор Федорович, домой. Завтра жду вас на работе, – объявил ему свое решение.

– Спасибо, Анатолий Афанасьевич, – радостно подхватился он...

Прямо с утра Ганич зашел ко мне:

– Анатолий Афанасьевич, где бы мы могли поговорить без свидетелей?

– В моем кабинете.

– Да нет... Так, чтоб нам не помешали.

– А кто нам может помешать?

– Да мало ли.

– Да я просто закрою дверь на ключ, а Светлане скажу, чтобы не беспокоили.

После некоторых колебаний Ганич согласился. Что за странные игры в таинственность? Вроде бы вчера наговорились вдоволь. Я терялся в догадках, а Ганич меж тем достал из портфеля бутылку коньяка и начал вынимать бутерброды. Ну и ну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.